

приемный
покой

Это вам
не Москва!

АНДРЕЙ ШЛЯХОВ
**ДОКТОР
ДАНИЛОВ**
В СЕЛЬСКОЙ БОЛЬНИЦЕ

Доктор Данилов

Андрей Шляхов

**Доктор Данилов в
сельской больнице**

«Автор»

2012

Шляхов А. Л.

Доктор Данилов в сельской больнице / А. Л. Шляхов — «Автор»,
2012 — (Доктор Данилов)

ISBN 978-5-271-44771-6

Покидая Москву, доктор Данилов и представить не мог, в каких условиях ему придется работать в провинции. Ужас, ужас. Ужас и еще десять раз ужас – вот что такое сельская больница. Столичная медицина отличается от провинциальной ровно настолько, насколько Москва отличается от всей остальной России. Но, тем не менее, и здесь живут люди. Если попадете в Сельскую больницу, не спешите отчаиваться. Некоторым счастливицам удастся выйти отсюда живыми...

ISBN 978-5-271-44771-6

© Шляхов А. Л., 2012

© Автор, 2012

Содержание

От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	18
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Андрей Шляхов

Доктор Данилов в сельской больнице

*Вальс (по-видимому, венский)
Зоотехник деревенский
Со свинаркой танцевал.
В целом – это был провал,
Но местами очень мило
И забавно это было...*

Александр Вишинёв

«Вся деятельность врача сплошь заполнена моментами страшно нервными, которые почти без перерыва бьют по сердцу. Неожиданное ухудшение в состоянии поправляющегося больного, неизлечимый больной, требующий от тебя помощи, грозящая смерть больного, всегдашняя возможность несчастного случая или ошибки, наконец, сама атмосфера страдания и горя, окружающая тебя, – все это непрерывно держит душу в состоянии какой-то смутной, неуспокаивающейся тревоги. Состояние это не всегда сознается. Но вот выдается редкий день, когда у тебя все благополучно: умерших нет, больные все поправляются, отношение к тебе хорошее, и тогда по неожиданно охватившему тебя чувству глубокого облегчения и спокойствия вдруг поймешь, в каком нервно-приподнятом состоянии живешь все время. Бывает, что совершенно падают силы нести такую жизнь; охватит такая тоска, что хочется бежать, бежать подальше, всех сбить с рук, хотя на время почувствовать себя свободным и спокойным. Так жить всегда – невозможно. И вот кое к чему у меня уж начинает вырабатываться спасительная привычка. Я уж не так, как прежде, страдаю от ненависти и несправедливости больных; меня не так уж режут по сердцу их страдания и беспомощность».

Викентий Вересаев, «Записки врача»

От автора

Населенных пунктов под названием Монаково в России несколько, и раскиданы они по разным областям – Московской, Белгородской, Владимирской, Нижегородской, Новгородской, Тамбовской, Тверской... Ни к одному из этих населенных пунктов вымышленный автором районный центр Монаково Тверской области не имеет никакого отношения. Просто автору очень понравилось название. С одной стороны, оно русское, собирательное, исконное, с другой стороны – созвучно названию одного европейского княжества, что делает Монаково названием мирового значения, в какой-то мере – сакральным. Где же еще работать доктору Данилову, как не в Монаково? В вымышленном, разумеется, чтобы не было обидно ни одному из реальных. Все имена и названия, встречающиеся в этой книге, вымышлены или взяты с потолка, на который прилеплена большая и очень подробная карта России. Ничто так не вдохновляет русских писателей, как созерцание необозримых просторов любимой Отчизны.

Глава первая

Сельская больница

Жопа!

Именно это слово, по мнению Данилова, как нельзя лучше подходило для описания положения с кадрами в Монаковской ЦРБ (ЦРБ – центральная районная больница). Полная кадровая жопа или полная жопа с кадрами – кому как нравится.

В некоторых медицинских учреждениях Москвы некоторые сотрудники считают, что у них полная жопа с кадрами. Подежурят сутки в одиночку на двенадцать реанимационных коек, поведут неделю сорок больных или побегают на вызовы по трем участкам и начинают возмущаться: «Куда смотрит администрация?! Довели родную больницу (поликлинику) до ручки: полная жопа с кадрами».

В районном центре Тверской губернии, в Монаково, они бы поняли, что такое полная жопа с кадрами и как далеко до этого печального состояния любому московскому медицинскому учреждению городского или ведомственного подчинения...

Еще в электричке Москва – Монаково Данилов прокручивал в уме возможные варианты беседы с будущим начальством – главным врачом и заведующим отделением. Ему казалось (а как же могло быть иначе?), что его встретят удивленно, недоуменно, станут долго допытываться, каким ветром столичного жителя занесло в Монаково, затем непременно объяснят, что здесь, в провинции, свои порядки, и ему, московскому врачу, не следует лезть в чужой монастырь со своим уставом... Данилов не исключал, что в реанимацию его могут взять не сразу, отправив на время в приемное отделение для прохождения «курса молодого бойца». Данилов был морально готов к тому, что ему могут отказать. Подумают: «Зачем нам тут москвич? Жили без него сто лет и еще триста проживем!»

Данилов приехал в Монаково не совсем на пустое место: отсюда была родом Маша, нынешняя девушка старого институтского друга Игоря Полянского, тут жили Машины родители, врачи-пенсионеры. Они уже передали через Полянского, что вакансии в местной ЦРБ имеются, с трудоустройством проблем не будет, но Данилов все же слегка волновался, как, наверное, волнуется каждый человек, переезжающий на новое место.

Переночевав на съемной квартире (в гнусной дыре, достойной названия трущоба), Данилов решил прямо с утра отправиться в больницу на разведку, а потом, если возьмут на работу, идти знакомиться с Машиными родителями, заводить связи среди местной интеллигенции. Был понедельник, традиционно благоприятный день для любых начинаний. В случае отказа Данилов уехал бы в Москву на ближайшей же электричке и начал искать другое место в другом городе, недалеко от Москвы.

Заручаться какой-то протекцией от Машиных родителей Данилов не хотел. С одной стороны, неизвестно, как все обернется в больнице, зачем зря людей подставлять? С другой стороны, непонятно, сколько продлятся отношения у Полянского с Машей и чем закончатся. Скорее всего ничем, как и все предыдущие романы Полянского, закоренелого убежденного холостяка, искусно притворяющегося человеком, который ищет свою половинку, но никак не найдет. Скорее всего, Маша обидится и Данилов в глазах ее родителей из категории как близкий родственник перейдет в разряд иродов проклятых. Друг несостоявшегося мужа дочери по определению не может считаться хорошим человеком. Да и делать все самому проще и безболезненнее.

Строгий на вид пожилой охранник, стоявший на воротах, узнав, что Данилов врач, интересующийся перспективами трудоустройства, расплылся в приветливой улыбке (внутренняя система распознавания переключилась с чужой на свой) и зачастил:

– Доктор, значит! Это хорошо, что доктор, доктора нам нужны, ой как нужны, да еще в реанимацию! Вы сумку свою у меня оставьте (Данилов явился в больницу с дорожной сумкой, потому что оставаться там, где ночевал, не собирался, а камеры хранения на местной станции не было), а сами идите вон туда, в административный корпус...

– Туда? – уточнил Данилов, поскольку жест охранника относился сразу к двум зданиям.

– Нет, что вы, туда вам рано, – улыбка охранника стала еще шире, – одноэтажное здание – морг, а вам надо в соседнее, двухэтажное. Там на втором этаже кабинет Юрия Игоревича. Вы к нему прямо и идите, врачей он лично набирает.

– А он на месте?

– Конечно, доктор! Разве ж я вас посылал в другом случае? И главный врач на месте, и заведующий реанимацией Олег Денисович. Денисович уже вторую неделю из больницы не выезжает...

– Болеет? – предположил Данилов.

– Нет, просто работает. – Охранник явно был рад возможности поговорить с новым человеком и ввести его в курс местных дел. – Доктор Цапникова на больничном, поясницу у нее прихватило, так Денисович с доктором Дударем несут в отделении вахту – один спит, другой работает. Ставок у нас до хрена, а работать некому, такие дела. С завтрашнего дня и вас запрягут, готовьтесь. Вас, кстати, как зовут, доктор?

– Владимир Александрович, – представился Данилов, протягивая охраннику руку. – Можно просто Владимир.

– Докторов без отчества не полагается, – покачал лысой головой охранник, вежливо пожав руку Данилова своей заскорузлой ладонью. – Владимир Александрович, значит. А я Максим Максимович, совсем как у Лермонтова...

«Три врача на отделение анестезиологии и реанимации ЦРБ? – удивился Данилов, окидывая взглядом четырехэтажное здание больницы и прикидывая, что в отделении должно быть не менее десяти врачебных ставок. – Ничего себе расклад, аховый...»

На первый взгляд Монаковская районная больница производила довольно неплохое впечатление. В целом бедновато (кое-где на стенах штукатурка облупилась, на асфальте были трещины и небольшие колдобины, по забору можно было бы пройти кистью), но чистенько и ухожено. Ничто так не свидетельствует о требовательности администрации, как отсутствие мусора на территории, это Данилов знал еще со «Скорой». Если во дворе подстанции валяются лысые покрышки, щедро пересыпанные окурками разной степени свежести, то даже не заходя в здание, можно сказать, что заведующий никуда не годится.

Возле двухэтажного административного комплекса обнаружилась жемчужина в навозной куче – у входа на площадке, огороженной выкрашенными в темно-зеленый цвет столбиками и цепями («Ну, прямо как в музее!» – восхитился Данилов), стояла сверкающая серебристым металлик «Тойота Хайлендер». Если бы не ограждение, то можно было бы предположить, что на крутой тачке приехал кто-то посторонний, но обрамление явно указывало на ее принадлежность главному врачу.

– Слухи о бедственном положении отечественной медицины и ее служителей явно преувеличены, – негромко сказал самому себе Данилов.

Покой административного корпуса охранял молодой парень, то ли флегматичный по характеру, то ли просто невыспавшийся. Документов не спросил, зачем нужен главный врач, не поинтересовался, просто махнул рукой и пробурчал нечто: «Втортажкцеридора», что Данилов расшифровал, как «Кабинет главного врача на втором этаже в конце коридора» – и не ошибся.

Пол вестибюля, где сидел охранник, был покрыт выдавшим виды линолеумом, но на лестнице и в коридоре второго этажа лежала классическая ковровая дорожка, в народе именуемая «кремлевкой». Дорожка тоже была старой, но не такой, как линолеум.

На стене у двери приемной главного врача висела большая латунная табличка с надписью:

«Главный врач,
заслуженный работник здравоохранения РФ,
кандидат медицинских наук, врач – организатор
здравоохранения высшей категории
Сухарчик Юрий Игоревич».

Изящный наклонный шрифт с завитушками превосходно сочетался с благородной латуной, выглядела табличка очень респектабельно, под стать автомобилю, стоящему у входа. Только избыток регалий смотрелся смешно, обычно указывают рядом с должностью только ученую степень. «Театр начинается с вывески, – иронично подумал Данилов, – еще бы добавить отличник здравоохранения, и был бы полный комплект!»

К подобной вывеске полагалась гламурно-утонченная секретарша, томная дева с пустым взглядом, мелированной челкой и инкрустированными коготками, но в приемной сидела суровая пожилая дама из категории коня на скаку остановит, в горящую избу войдет – гибрид Церберы с горгоной Медузой. Она взглянула недружелюбно на вошедшего Данилова, сурово поинтересовалась, зачем он явился, и с видимой неохотой («ходят тут всякие», – так и читалось в ее выпуклых водянистых глазах) разрешила пройти, добавив:

– Сумку можете здесь оставить.

«При такой секретарше охранник у входа на фиг не нужен, – подумал Данилов, доставая из сумки пластиковый конверт с документами, и тут же поправился: – Нет, нужен, чтобы за машиной приглядывать, воробьев и голубей от нее отгонять».

Внешность у главного врача Монаковской ЦРБ была представительной, с претензией на аристократичность: седая шевелюра, тонкие черты лица, волевой подбородок в сочетании с выпуклыми надбровными дугами свидетельствовал о твердокаменном упрямстве. Стекла очков немного смягчали начальственный взгляд.

Данилов думал, что разговор будет долгим, но не пробыл в кабинете главного врача и пяти минут.

Выслушав краткую автобиографию (о причинах, приведших его из Москвы в Монаково, Данилов предпочел умолчать), главный врач бегло просмотрел документы, уделив основное внимание трудовой книжке, в которой за последние годы накопилось много записей, и спросил:

– Деньги вымогаете?

– Нет, – ответил Данилов.

– Сейчас это чревато. В Новозагладинской поликлинике в канун Восьмого марта нашу старейшую сотрудницу с поличным взяли – оформила медкнижку без обследования, за пятьсот рублей. Восемьдесят пять лет, стаж такой, сколько другие и не живут, и на тебе – статья за взяточничество! Дело завели, суд скоро будет. Вот такие дела. А жить вам есть где?

– Если устроюсь к вам на работу, то сегодня же решу этот вопрос.

– У нас есть общежитие, – с оттенком гордости сказал главный врач. – И комнаты свободные тоже есть. Жилье, можно сказать, дармовое – всего семьсот рублей в месяц, но приличное. От больницы, правда, далековато – с четверть часа ходу.

Данилов улыбнулся.

– Ну да, – кивнул главный врач. – По вашим московским меркам это рядом. Значит, напишете два заявления. Одно: «прошу принять на должность врача анестезиолога-реаниматолога», а другое: «прошу выделить комнату в общежитии ввиду отсутствия жилья...». Отдел кадров – вторая дверь от лестницы.

На этом аудиенция закончилась. Можно было подумать, что в Монаковскую ЦРБ ежедневно просятся на работу столичные врачи.

– При желании зарабатывать у нас можно не меньше, чем в Москве, – сказала начальник отдела кадров, как две капли воды похожая на секретаршу главного врача, только та красила

волосы в рыжину (не иначе как хной), а эта обесцвечивала пергидролем. – Это я вам как главная по кадрам говорю.

– Неужели? – не поверил Данилов, представлявший, пусть и не с точностью до рубля, разницу между московскими и провинциальными врачебными заработками.

– Если, конечно, работать на три ставки! – Главная по кадрам растянула губы в улыбке. – Трудовой кодекс мы чтим, как и все прочие кодексы, поэтому больше чем на полторы ставки никого не оформляем, но реальную разницу выплачиваем в виде премии... Некоторые врачи, можно сказать, живут в своих отделениях не в переносном, а в прямом смысле. Что поделать, раз ситуация требует? Взять, к примеру, ваше отделение анестезиологии и реанимации: там на одиннадцати ставках работают трое врачей, к тому же одна сейчас на больничном. А в следующем месяце другой врач в отпуск собирается. «Если не отпустите, – говорит, – то уволюсь, отдохну и снова приду устраиваться». Шантажист!

– И возьмете? – спросил Данилов. – Снова?

– Да тут черта лысого возьмешь, – вздохнула главная по кадрам, колыхнув мощным бюстом. – Кто наше штатное расписание увидит – испугается. Решето, дыра на дыре, некому работать. Если так дальше пойдет, то через пять лет не будет в Монаковском районе медицины, за любым рецептом, не говоря уже о операциях, будут в Тверь ездить! А к вам, доктор, жена приедет, или вы бобылем жить будете?

– Совсем не приедет, – сухо сказал Данилов, давая понять как тоном голоса, так и выражением лица, что личная жизнь сотрудников ее не касается.

– Я не из-за бытового любопытства интересуюсь, – обиделась тетка, – а чтобы знать, на какую комнату вам ордер выписать. А то выпишу на «одиночку», а завтра придется переписывать.

– Пишите на «одиночку», – заверил Данилов и, вспомнив свой последний ночлег, спросил: – А как там у вас в общежитии в смысле чистоты, мебели и прочих удобств?

– С чистотой все в порядке, свои медики, не рыночная гопота. – Слово «медики» главная по кадрам произнесла с придыханием. – Мебель хоть и не новая, но приличная, кровати, шкафы, столы, стулья, только вот холодильников и телевизоров нет...

На это Данилов и не надеялся.

– ...а удобства на этаже. Дом старый, его немцы после войны строили. – Главная по кадрам поиграла выщипанными в ниточку бровями, демонстрируя сочувствие, но закончила на оптимистичной ноте: – Зато горячая вода есть постоянно!

«Какая разница, – подумал Данилов, – все равно, судя по всему, жить я буду в ординаторской. Чем тут еще заниматься, кроме работы?»

Главная по кадрам недолго повозилась с бумажками, выписала ордер, вклеила в пропуск фотографию, припечатала ее, старательно подышав на печать, затем встала, протянула Данилову руку и гаркнула:

– Поздравляю вас, Владимир Александрович, со вступлением в дружную семью медиков Монаковского района!

Нигде и никогда Данилова не принимали на работу столь торжественно. Если бы сейчас под окнами оркестр заиграл «Прощание славянки» или что-то другое в том же стиле, Данилов несколько бы не удивился. Он осторожно пожал протянутую руку. Женщинам, сколь бы мощно и брутально они ни выглядели, крепкие рукопожатия противопоказаны.

– На первом этаже, прямо подо мной, сидит Иван Валерьевич, заместитель главного врача по хозяйственным вопросам. Отдайте ему ордер и получите ключ...

Ивана Валерьевича Данилов отвлек от дела. На столе завхоза была разложена на газете нехитрая, но весьма аппетитная еда: розовое, с прожилками, сало, несколько очищенных зубчиков чеснока, толстая и хрустящая на вид горбушка ржаного хлеба, два соленых огурца. Венчал композицию граненый стопарик, стоявший по центру. Бутылку Иван Валерьевич то ли

еще не достал, то ли успел спрятать, едва только скрипнула дверь. Скрипевшие петли свидетельствовали (да какое там «свидетельствовали» – вопили!) о том, что завхоз из Ивана Валерьевича никакой, он без внутренней хозяйственной сущности. У хорошего хозяина дверным петлям скрипеть не положено.

Иван Валерьевич молча кивнул в ответ на даниловское «Добрый день», молча взял ордер, покивал плешивой головой и начал рыться в верхнем ящике своего стола.

Поиски затянулись, и Ивану Валерьевичу пришлось нарушить молчание для того, чтобы произнести заклинание привлечения утерянных вещей:

– Куда ж ты, б..., делся, ё...ая кочерга, мать твою по рогам да за ногу!

Повинуясь магии, нужный ключ с номером 12-а на большой белой бирке тут же нашелся и был передан Данилову со словами:

– Вообще-то это тринадцатый номер, но медики народ суеверный, вот и перенумеровали в 12 «а».

– Спасибо, – поблагодарил Данилов и ушел знакомиться с новым местом работы.

В первую очередь Данилов изучил план больницы. Корпусов было пять. Номер один – главный корпус, номер два – роддом, номер три – патологоанатомическое отделение, номер четыре – поликлиника и номер пять – административный корпус. Также имелись отдельно стоящие, но номеров и звания «корпус» не имеющие пищеблок, аптека, гараж и котельная. Данилов с минуту постоял около плана, соотнося его с местностью, после чего перекинул ремень своей тяжелой сумки с правого плеча на левое и направился к первому корпусу, на первом этаже которого находилось отделение анестезиологии и реанимации.

В стационар просто так не войдешь, это не административный корпус. Повсеместно за проход в отделение во внеурочное, не предназначенное для посещений время охранники взимают скромную, посильную возможностям посетителей плату. В Москве она составляет не меньше ста рублей, здесь, в Монаково, по мнению Данилова, могло хватить и пятидесяти, если не тридцати. Меньше тридцати – это уже не по-божески, какое-то подаяние, оскорбительное для любого человека, находящегося в форменной одежде при должности.

На входе в первый корпус Данилову пришлось объяснить, кто он и что ему здесь надо. Новенький, только что выписанный пропуск никакого впечатления на охранника не произвел, кажется, только усилил подозрительность. Не удовлетворившись расспросами, охранник буркнул: «Обождите минутку», – и по стоящему на столе перед ним внутреннему телефону связался с отделом кадров.

– Обострение бдительности? – поддел Данилов, стоило только охраннику положить трубку.

– У меня инструкция: незнакомых пускать только после подтверждения личности, – пояснил охранник. – А то мало ли кто пропуск подделает и захочет сюда бомбу пронести.

– Вы каждого посетителя подтверждаете?

– Посетитель должен иметь на руках правильно оформленный пропуск с подписью заведующего отделением, также правильно назвать фамилию больного и палату, – отчеканил охранник.

– ...которые написаны на пропуске, – улыбнулся Данилов.

Улыбка задела охранника за живое.

– Откуда вы к нам пришли, такой умный? – спросил он, сдвигая брови на переносице.

– Из Федерального клинического госпиталя МВД. – Нет ничего проще, чем говорить правду. – Слыхали о таком?

– Видел по телевизору.

Упоминание госпиталя произвело впечатление на охранника: складка на переносице разгладилась, голос смягчился.

– Реанимация направо, – почти дружелюбно сказал он.

– Спасибо, – поблагодарил Данилов, в который уже раз дивясь многообразию окружающего мира. Три охранника в одной больнице, и какие все они разные! Чехов, наверное, о каждом бы из них по рассказу написал, колоритные люди.

Кому-кому а уж заведующему отделением анестезиологии и реанимации Смолову полагалось долго расспрашивать Данилова, чтобы оценить его профессионализм и личностные качества. Хотя бы минут десять – пятнадцать пообщаться, рассказать про местные порядки и свои требования. Это в усредненном идеале.

В реальности же навстречу Данилову вышел небритый мужик лет сорока с красными от бессонницы глазами, назвал себя Олегом Денисовичем, сказал: «Опаньки! Вот так нечаянная радость!» – и повел знакомить со старшей сестрой Ксенией Викторовной («для своих я просто Ксюша»). Спустя десять минут Данилов получил четыре комплекта хирургической формы, четыре халата, ключ от ординаторской («раньше не запирали никогда, а теперь жизнь заставила – подворовывают втихаря в больнице»), ключ от раздевалки для сотрудников, находившейся в подвале, и совет идти домой в общежитие, как следует выспаться напоследок.

– Пока наркотический допуск на вас не оформим, работать будете под прикрытием, – сказал Олег Денисович, имея в виду, что сделанные Даниловым назначения наркотиков и психотропов будет подписывать другой врач, – но это ничего не меняет – запряжем мы вас по полной, сразу предупреждаю...

И кто только придумал оформлять допуск к работе с наркотическими средствами и психотропными веществами на каждом новом месте? Можно подумать, что, переходя с работы на работу, человек сильно меняется. По уму, выдавали бы этот допуск врачу сроком на пять лет (или на три года), но всякий раз при смене работы нужно долго ждать разрешения. Только в госпитале МВД Данилову сделали этот допуск быстро, в считанные дни – сработали межведомственные связи. Здесь, в Монаково, на быстроту надеяться не приходилось. Наоборот, с учетом того, что Данилов постоянно проживал в Москве, запросы будут идти дольше – другой регион.

– Запрягайте, – ответил Данилов.

По крайней мере, скучать на первых порах не придется.

В общежитие можно было пройти напрямик дворами («Тут наискосок всего ничего, только в одном месте канаву по досочке перейти надо», – объяснил Максим Максимович) или круглым путем по улице. Данилов выбрал более длинный путь. Ему не хотелось с тяжелой сумкой на плече балансировать на «досочке» (отдых в травматологическом отделении – дело малопривлекательное, а в местном и подавно), а погода стояла приятная – разгар бабьего лета.

«Если в общежитии хоть немного пахнет цивилизацией – там и останусь», – пообещал себе Данилов, идя по улице. Хотелось сбросить с плеча сумку, принять душ, потом растянуться на чистой постели и начать устаканивать впечатления, привыкать к новому месту. Вечером можно будет выйти на прогулку, ознакомиться поближе с местными достопримечательностями, изучить город, и вообще... Понятие «вообще» неожиданно превратилось в видение запотевшей кружки холодного пива. Данилов попытался превратить воображаемое пиво в квас, но на это не хватило ментальных сил. Вышло наоборот: рядом с пивом появился из небытия большой и янтарно-жирный копченый лещ. Его нельзя было потрогать, но соблазнительный аромат ощущался явственно. Данилов остановился посреди тротуара, крепко зажмурился и потряс головой, отгоняя наваждение. Оно исчезло, но не совсем – рыбный дух продолжал щекотать ноздри.

«Why not?» – на чистейшем английском языке (подсознание непостижимо) подумал Данилов, удивляясь как неожиданному наваждению, так и внезапному переходу на иностранный язык. Он продолжил думать уже на родном: «В конце концов, это всего лишь пиво, а ситуация у меня сейчас далеко не такая, чтобы... увлекаться спиртным. Да и сам я не тот уже, что раньше, могу держать себя в руках. Пропустить пару кружек пива в честь приезда в Монаково и закусить их вкусной рыбкой – что в этом плохого? Но сначала надо устроиться...»

В солнечный день любой город производит хорошее впечатление, особенно если ты настроен на получение позитива и не склонен обращать внимание на негатив. Данилов присвоил Монакову статус места, вполне подходящего для временного проживания.

Двухэтажное общежитие Монаковской ЦРБ снаружи выглядело не самым лучшим образом: оштукатурить не мешало бы по новой, рамы сменить бы не мешало, но впечатления разрухи и упадка не было, и это внушало надежду. В общежитии во весь голос шел диалог двух культур. Из одного распахнутого окна доносилось не то двух-, не то трехголосое нестройное хоровое пение:

И снова луна озарила
Тот старый кладбищенский двор,
А там над могилою сына
Повесился сам прокурор.

Из другого надрывались «Йе-йе-йес», явно не вживую (что могло привести американскую рок-троицу в общежитие медиков города Монаково?):

I'll kiss you once yeah I'll kiss you twice
I'll kiss you once yeah I'll kiss you twice
I'll kiss you once yeah I'll kiss you twice
And I get the shivers 'cause you're cold as ice...
«Yeah Yeah Yeahs» – «Graveyard:

Я поцелую тебя, я поцелую тебя еще раз.
Я поцелую тебя, я поцелую тебя еще раз.
Я поцелую тебя, я поцелую тебя еще раз.
Меня кидает в дрожь, потому что ты холодна, как лед...

«Отдежурили – и культурно отдыхаем, – констатировал Данилов. – Ну-ну...»

В общежитии охранника не полагалось. Оно и верно: что тут охранять? Данилов вошел внутрь и удовлетворенно отметил, что ничем таким (ароматами сырости и отхожих мест) здесь не пахнет.

Лестница привела Данилова на середину второго этажа. Комната 12-а оказалась последней в правом крыле. Расположение было удачным – и место непроходное, и от туалета далеко. Туалет и душевые комнаты, находившиеся в конце левого крыла, подверглись осмотру в первую очередь и получили твердую четверку по гигиене. Не так чисто, как в домашнем санузле, конечно, но дома они тоже ведь разные бывают.

– Что ж, теперь осмотрим апартаменты! – скомандовал Данилов себе на выходе из туалета.

Апартаменты оказались вполне достойными: примерно четырнадцать-пятнадцать квадратных метров, на потолке – плафон (две лампы дневного света без крышки), плотные шторы на окне, шкаф, дверки которого свободно закрывались и открывались, стол, который не шатался, два стула, кресло, простецкое, но не продавленное, и кровать. Кровать стала самой неожиданной – не какое-нибудь музыкальное чудо на пружинах, а медицинская кровать с ложем металлической решетки. Она была заслуженной, со следами ремонтно-сварочных работ на каркасе, но крепкой. И матрац, не имевший ни запаха, ни пятен, порадовал Данилова. Огорчило только одно обстоятельство: отсутствие подушки, одеяла и постельного белья. Елена обещала привезти Данилову из дома все необходимое для обустройства, но она могла приехать только в субботу... Данилов достал из большой сумки маленькую, убрал в нее документы,

решив, что завтра положит их в сейф в отделении, а до тех пор будет носить при себе, и ушел обзаводиться постельным бельем.

Сразу по выходу на улицу зазвонил мобильный. То, что звонит Елена, было ясно и без взгляда на дисплей. Данилову давно уже следовало отзвониться и рассказать о своих достижениях.

– У меня все нормально, устроился на работу, получил комнату в общежитии, сейчас иду покупать постельное белье и подушку с одеялом, – кратко, но в то же время обстоятельно доложил Данилов.

– Если ты устроился на работу, то все это можешь получить у своей сестры-хозяйки, – проявила практичность Елена.

– С меня хватит медицинской кровати в апартаментах, – ответил Данилов. – И как ты вообще представляешь эту картину: «Здрасьте, нельзя ли мне разжиться казенными постельными причиндалами?» Как-то не очень...

– Ты не приватизатор, Данилов, – констатировала Елена. – Другие заводами казенными разживаются, а то и рудниками...

– Это упрек? – удивился Данилов.

– Это похвала, замаскированная под упрек. Ладно, подробности я у тебя выпытаю вечером...

– Да, к тому времени я успею провести ревизию местных дам и...

– За дам я тебе так дам – не обрадуешься! – пригрозила Елена и отсоединилась.

«Да – я не приватизатор, – подумал Данилов. – Видел бы меня сейчас дядя Гоша – перестал бы уважать». В Москве в Карачарове был у Данилова сосед, дядя Гоша, отставной прапорщик и талантливый, идейный приватизатор. Дома у него многое было приватизированным – и посуда, и постельное белье, и кое-что из мебели. «Когда в отставку вышел, так непривычно было покупать лампочки, мыло, зубную пасту и прочую хрень за живые кровные деньги, – вздыхал дядя Гоша и с видом мученика добавлял: – Такое уж существо человек – ко всему привыкает».

Идти без вещей было приятно. Не спрашивая ни у кого дороги, Данилов вышел к станции и порадовался тому, что уже начал ориентироваться в Монаково. Голод уже напоминал о себе бурчанием в животе, но правильнее было сначала обжиться на новом месте, а потом уже отпраздновать новоселье. Купить каких-нибудь вкусных пирожков (откуда-то взялась у Данилова уверенность в том, что в Монаково должны быть вкусные пирожки), приличного чаю (кипятильник и кружка имелись)... Мысли о чае сменились мыслями о пиве. «Однако какая навязчивость, – удивился Данилов. – Это природа местная, что ли, так действует, или удаленность от родных московских мест?» Времени на дальнейшие рассуждения не осталось, потому что Данилов уже шел по пристанционному рынку, и уже попала на его пути женщина с лотком, на котором аккуратными стопочками было разложено постельное белье.

Белый, без затей, полуторный комплект обошелся Данилову в пятьсот рублей.

– Лучше цены, чем у меня, не найдете, – гордо сказала торговка. – За пятьсот рублей такое качество да две наволочки!

Данилов открыл пакет с угла и двумя пальцами пощупал материю, оказавшуюся довольно плотной на ощупь.

– Не марля, – удареение почему-то было сделано на последней букве, – и сшито хорошо, без перекоса.

– А где тут у вас можно подушку и одеяло купить? – поинтересовался Данилов.

– Пух-перо или синтепон какой?

– Синтепон, – пуховых и перьевых спальных принадлежностей Данилов не любил за тяжесть и за то, что в них с удовольствием размножалась всякая мелкая живность.

– Двести пятьдесят – подушка, пятьсот пятьдесят – одеяло.

Данилов оглядел торговое место, но никаких одеял не увидел.

– Семьсот за все! – скинула торговка, истолковав замешательство Данилова как недовольство ценой. – Ниже – только если подарить.

– А где? – спросил Данилов.

– Сейчас принесу! – сверкнула золотыми зубами торговка и попросила соседку, продававшую носки: – Вер, пригляди за моим товаром! У молодого человека комплект оплачен. Может, вам еще чего, так вы разом скажите.

– Спасибо, больше ничего не надо, – ответил Данилов, думая о том, в каком возрасте его перестанут называть молодым человеком.

Самой торговке было на вид 45–46 лет.

На обратном пути Данилов зашел в салон связи и купил местную сим-карту не столько для того, чтобы не тратить лишних денег на роуминг, сколько ради отсечения московских знакомых, не посвященных в его жизненные передраги.

За время отсутствия Данилова репертуар в общежитии успел смениться. Любители отечественной классики теперь пели «Сиреневый туман», а «Йе-йе-йес» сменились металлом «Драгон Форс».

У подъезда стояли две женщины средних лет и, свободно перекрывая музыку и пение, беседовали.

– Уколы этому идиоту я колю стоя, потому что он не может лежать кверху голым задом, ему совесть не позволяет небесам зад показывать, как тебе это?

– Ну, не небесам ведь, а потолку, не во дворе же колешь.

– Это не имеет значения. Кверху – значит небесам!

– Что, он и на бабу никогда не забирался? Там же тоже...

– Я тебя умоляю, Тома! Какие женщины?! Где вообще Мухортов и где женщины?! Нет, завтра же скажу Елене Борисовне, чтобы показала его психиатру. А то натворит чего, а мы отвечаем...

– С тебя-то, Ань, какой спрос?

– Большой! Старшая сестра за все отвечает...

Данилов поздоровался с женщинами, ему вежливо, с улыбкой ответили, но никаких вопросов не задали – проявили деликатность. Застелив постель, Данилов полюбовался наведенной красотой, затем достал из сумки полотенце и пластиковые шлепанцы, отправился в душ, смывать усталость и лишние впечатления. Комнату сдуру не запер, не приобрел еще такой привычки, но, когда вернулся, застал дверь запертой и увидел на ней записку: «Заберите ваш ключ в 15-й комнате».

Неизвестный доброжелатель пожелал сохранить анонимность, или, скорее всего, решил, что в преддверии скорого знакомства подписываться нет смысла. Данилов пригладил рукой мокрые волосы (расческу он с собой не взял), поправил висевшее на плече полотенце и постучался в дверь пятнадцатой комнаты. На двери Данилова номер был написан черной краской, а здесь красовался пластиковый квадратик с единицей и пятеркой.

Данилов негромко постучал, и дверь тут же открылась.

– Заходите, – пригласила миловидная, коротко стриженная шатенка лет тридцати в черном шелковом халате, воротник которого был расшит золотыми узорами.

– Здравствуйте, я из 12-а.

– Здравствуйте, я уже поняла, – улыбнулась женщина. – Ну, что вы стоите, я же пригласила войти.

– Мне бы ключ, – улыбнулся в ответ Данилов, – я приведу себя в порядок, избавлюсь от этого, – он дотронулся до полотенца, – и...

– ...проверите, ничего ли не пропало, и тогда решите, с чего начинать знакомство.

– Ну зачем же так... – смутился Данилов, принимая ключ, который был вынут из кармана халата.

– Я заварю чай, так что приходите обязательно, – сказала ему в спину соседка и тихо, без стука, закрыла дверь.

Данилов причесался, погляделся в зеркало, висевшее на одной из дверок шкафа, и подумал, что если тебя пригласили на чай, то уместно что-то принести. Но с другой стороны, бежать в магазин и обратно – это минут пятнадцать – двадцать, получится не очень-то и вежливо. Так что пришлось отправляться в гости с пустыми руками.

– Я вообще-то ненадолго, – с порога начал Данилов, – чисто познакомиться и поблагодарить за урок. Действительно, не дело – дверь открытой оставлять, да еще с ключами...

– Так можно и без ключей и без вещей остаться. Ладно, хорошо все, что хорошо заканчивается. Давайте знакомиться. Меня зовут Марина, на работе – Марина Юрьевна, врач гинекологического отделения.

Обошлись без рукопожатий. Данилов назвал себя и свое место работы, после чего был усажен в кресло и получил возможность осмотреться, пока хозяйка возилась с чайником. Комната номер пятнадцать была обжитой и по-домашнему уютной. На стенах – обои нежно-салатового цвета, потолок недавно белили, на потолке – небольшая круглая трехрожковая люстра с цветами, на окнах не только шторы под обои, но и тюль. Мебель примерно такая же, как и у Данилова в 12-а, но 2 кресла, есть журнальный столик, на большом столе красуется музыкальный центр (не из самых дешевых), а на прикроватной тумбочке стоит ноутбук.

– Я здесь уже два года, – сказала Марина, заметив интерес, проявленный Даниловым к обстановке, – обустроилась на новом месте. Я сама из Унгеня, это в...

– Молдавии, – блеснул эрудицией Данилов.

– Многие не знают, – повела бровями Марина. – Ванька-встанька уверен, что Унгень в Туркмении.

– Ванька-встанька? – переспросил Данилов.

– Ключ у кого получали? – Марина поставила на столик поднос с чайником, чашками и двумя вазочками – с печеньем и сахаром.

– У завхоза.

– Прозван Ванькой-встанькой за беззаветную любовь к крепким спиртным напиткам. Упал – встал, упал – встал. Готовьтесь – будете промывать его в реанимации, он там частый гость.

Посуду на столик Марина переставлять не стала, оставила на подносе. Наполнила чашки горячим дымящимся чаем (судя по аромату, весьма неплохим) и села во второе кресло, напротив Данилова. Закинула ногу на ногу, но деликатно, не вызываяще, после чего спросила:

– Откуда вы к нам?

– Из Москвы.

– Из Москвы? Мельникова, заведующая приемным отделением, тоже в Москве работала, но не приработалась. А вообще-то вы откуда?

– Тоже из Москвы, я там и родился.

– Ух ты! – Глаза Марины округлились от удивления. – Настоящего москвича занесло в Монаково, в нашу сельскую больницу? Если не секрет, то каким ветром?

– Разве это важно? – улыбнулся Данилов. – Важно, что занесло.

– Да, конечно, – согласилась Марина, ничуть не обидевшись.

– И не такая уж она сельская...

– Вот тут вы ошибаетесь – самая что ни на есть сельская. Со всеми соответствующими заморочками. Теперь моя очередь рассказывать о себе. – Марина деликатно дала понять, что не собирается глубже вникать в биографию Данилова. – Я – младшая дочь военного, осевшего в Молдавии. Закончила медицинский институт в Кишиневе, поработала немного в стационаре и

перебралась сюда по программе добровольного переселения соотечественников из-за рубежа. Впрочем, могла бы и просто так приехать, разницы практически никакой, важен результат. Здесь, конечно, лучше, с Молдавией не сравнить, там я получала какие-то гроши, около ста долларов в месяц, а сейчас работаю на полторы ставки, дежурю много, надбавки; уже, как говорил мой отец, можно не только жить, но и отложить. Диплом, правда, пришлось подтверждать, убила на это кучу времени и денег. Глупая процедура, совершенно никчемная... Что еще? Живу одна, стою в очереди на квартиру, а пока обосновалась здесь. Не исключено, что своего жилья придется ждать чуть ли не до пенсии, строительства у нас никакого не ведется, только коттеджи народ себе возводит. Да вы не сидите, накладывайте сахар, пейте чай, берите печенье...

– Спасибо, но пью без сахара, – ответил Данилов и отпил из своей чашки. – Марина, а вы мне не расскажете про больницу? Так, в общих чертах, чтобы я представил, где мне предстоит работать. Я же, в сущности, как бы глупо это ни звучало, попал сюда, можно сказать, случайно...

– Ваша тайна явно романтического плана. – Марина улыбнулась и кокетливо стрельнула глазами. – Но это я так, к слову, не подумайте, что хочу что-то выпытать. Разумеется расскажу, введу в курс дела...

«Романтизма тут хоть отбавляй, – подумал Данилов, аккуратно надкусывая печенье и изо всех сил удерживаясь от искушения слопать все, что было в вазочке, ведь с утра у него и маковой росинки во рту не было. – Не успел приехать, а уже сижу, пью чай с одинокой симпатичной соседкой, спасительницей моего имущества и документов».

Вроде каждый о своем, но все – о романтизме. Бабье лето способствует возвышенному не меньше, чем весна.

– Начнем с «папы», или «дяди Юры», то есть – с нашего главврача, – продолжила Марина. – Дядя Юра – мужик сильно себе на уме, очень ухватистый и верткий. Столп местного здравоохранения. Все схвачено, везде смазано, с главой района не то кумовья, не то закадычные друзья. Человек неприятный, очень злопамятный, но если с ним не пересекаться – вполне нормальный главный врач, даже с претензией на справедливое и чуткое отношение к людям. Материальную помощь всегда выпишет, если что-то случилось, может помочь решить вопрос не только на местном уровне, но и в Твери, вместо бумажных разборок ограничится устным внушением. Короче говоря, любит обзывать окружающих, совсем как Крестный отец. Правильная методика, я считаю.

– Мне трудно судить. – Данилов пожал плечами. – Я никогда не был главным врачом и вряд ли когда-нибудь им стану.

– Я имею в виду, что лучше привязывать к себе каким-то добром, чем угрозами. С этим вы согласны?

– Да. Пряник всегда лучше кнута.

– В поликлинике терапевтическим отделением заведует Ирина Валентиновна Спивак, не просто красивая, но и яркая женщина, официальная любовница дяди Юры. Если испортите отношения с ней, считайте, что испортили их и с ним. Но вам как реаниматологу это вряд ли грозит – точек соприкосновения у вас мало. Если, конечно, вы не надумаете за ней ухаживать, тогда берегитесь!

– Не начну, – улыбнулся Данилов и добавил, – у меня жена есть, ребенок.

– У главного врача тоже есть жена, дети и даже внуки, – усмехнулась Марина. – Вы просто еще Ирину Валентиновну не видели... Поехали дальше. Рутинными делами стационара заправляет замглавврача по медицинской части Елена Михайловна Канава. Выросла в нашей больнице, страшная патриотка родного учреждения и ужасная зануда. В общем, классический дятлоподобный заместитель.

Данилов улыбнулся слову «дятлоподобный» и взял второе печенье.

– Личная жизнь у Михайловны не удалась, живет работой, в каждую дырку затычка. Въедливая вредина...

Инструктаж растянулся на полтора часа, Марина дважды заваривала чай и добавляла в вазочку печенья. Данилов вернулся к себе с таким чувством, словно лет пять, если не десять, проработал в Монаковской районной больнице.

Пива больше не хотелось. И рыбы тоже – наелся печенья, напился чая.

Глава вторая

Трудовые будни начинаются

Синдром москвича (или жителя другого большого города) – встать по будильнику, собраться, выйти и начать соображать, как бы быстрее к метро выйти.

Ничего, что ты уже обжился на новом месте и даже завел знакомства. Ничего, что ты исходил центр Монакова вдоль и поперек. Все равно привычка ездить на работу на метро никуда не делась.

«Нет, определенно в пейзажном бытии есть свои преимущества, – рассуждал по дороге в больницу Данилов, – ритм жизни менее суетливый, воздух чистый, и все проще». Что именно проще и почему все проще, он, пожалуй, не смог бы объяснить, но ведь далеко не все поддается объяснению.

Утро рабочего дня – это вам не субботний вечер. Прохожие шли деловито на работу, а не на праздник, но не неслись как угорелые, и не было ощущения спешащей толпы. Каждый шел сам по себе, часто здороваясь со встречными и обгоняющими, некоторые даже позволяли себе остановиться на несколько минут и поболтать.

Данилов по своему обыкновению вышел с большим запасом времени. В продуктовом магазине с веселым названием «Свежачок» Данилов запасся провизией: печенье, крекеры, несколько банок консервов (шпроты, паштет, зеленый горошек), чай в пакетиках, две плитки горького шоколада. С таким пайком можно было провести в больнице несколько суток подряд. На выходе Данилов спохватился, и, вернувшись к прилавку, купил два вафельных торта – для церемонии проставления на новом месте.

На подходе к больнице Данилову попался навстречу знакомый – охранник Максим Максимович, как-то не по-людски, не по-монаковски было бы по пути на работу не встретить ни одного знакомого. Вживаясь в роль местного жителя, Данилов остановился, поздоровался за руку, поинтересовался: «Как отдежурили?», поблагодарил за пожелание: «Ну, чтоб у вас все путем было», – и двинулся дальше.

На территории больницы, перед главным корпусом, собралось в кружок около десятка сотрудников. Невысокий мужчина средних лет, взъерошенностью и круглой головой напоминавший воробья, говорил, остальные слушали. Кто-то согласно кивал головой, кто-то недоверчиво покачивал.

– Я вам говорю – вопрос уже решен! – горячо убеждал «воробей», размахивая руками. – На самом высшем уровне! Окончательно! Это нам не спешат объявлять, а в Москве, кому положено, уже знают! Бросают работу и едут к нам устраиваться!

«Опаньки! – удивился Данилов. – А это, кажется, про меня. Интересно, какой это вопрос уже решен, и что заставило меня бросить работу в Москве и приехать в Монаково? Спросить, что ли?»

Спрашивать не стал, тем более, что, увидев Данилова «воробей» сильно понизил голос и продолжил свою речь едва ли не шепотом. Открыто на Данилова никто не пялился, но стоило ему пройти мимо собравшихся, как спина просто зачесалась от неприязненных взглядов.

«Дожили, – ворчливо, совсем по-стариковски, подумал Данилов. – Из Москвы в Монаково нельзя переехать, чтобы про тебя какой-нибудь ерунды не придумали».

В ординаторской Данилов застал заведующего отделением. Тот сидел за одним из двух столов и перебирал истории болезни. Заведующий успел с утра побриться, поэтому выглядел бодрым и отдохнувшим.

– А я сижу и гадаю, куда придет мой новый врач – в отделение или в администрацию, – улыбнулся он, увидев Данилова. – Здравствуйте, Владимир Александрович.

– Здравствуйте... – Данилов осекся, потому что забыл, как зовут заведующего, а бейджи-ков в Монаковской ЦРБ не носили.

Выручила старшая сестра, заглянувшая в ординаторскую в поисках заведующего.

– Олечка... – начала она, но увидев, что заведующий не один, тут же поправились: – Олег Денисович, вам Аня передала?

– Передала, – кивнул Олег Денисович. – Ксюша, внеси Владимира Александровича в обеденный список.

– А Владимир Александрович хочет обедать в больнице? – Старшая сестра выжидательно посмотрела на Данилова и, поняв, что он не понимает, о чем идет речь, пояснила: – Для сотрудников у нас предусмотрены льготные обеды. Тридцать два рубля за салатик, супчик, второе и компот или чай. За обеды бухгалтерия вычитает из зарплаты.

– Готовят на больничной кухне, но отдельно, не в общем котле, – добавил заведующий отделением.

– Правильнее было бы в общем, – полушутя-полусерьезно заметил Данилов.

– Тогда весь пищеблок в тот же день уволится, – сказала старшая сестра. – Зарплаты там никакие, если еще и унести нечего будет, то вообще не останется смысла работать. Сотрудникам-то все, как положено, в котел закладывается, получается сытно и вкусно, не как дома, но хорошо. Можно диетическое заказывать, если язва есть или диабет. Семь дней в неделю, без выходных. Все в столовую ходят, а нам и акушерам в отделение приносят.

Пациентов реанимационного отделения нельзя оставлять без врачебного присмотра. Если дежурит двое врачей, то они еще могут отлучаться из отделения поочередно; если врач один, то выхода из реанимации нет до тех пор, пока не пришла смена.

– Я считаю, что это хуже, потому что в столовой у нас весело, – улыбнулся заведующий, – но всем остальным эта привилегия нравится.

– Так я вас записываю? – Старшая сестра явно куда-то спешила, все они вечно куда-то спешат, а по утрам особенно.

– Записывайте, – согласился Данилов, думая о том, что если в сельской больнице можно за семьсот рублей в месяц жить во вполне сносном общежитии и получать ежедневно горячие обеды за тридцать два рубля, то с материальной точки зрения приезшему сотруднику работать здесь не так уж и плохо: выложи-ка в Москве не меньше пятнадцати тысяч в месяц за комнату да сто пятьдесят – двести рублей за хилый комплексный обедик, да проездной купи...

– Обычные или по диете?

– Обычные.

– Хорошо, с сегодняшнего дня будут вам обеды. – Старшая сестра закрыла дверь.

Данилов поставил сумку с провизией в шкаф и сел на стул напротив заведующего.

– У меня один организационный вопрос, Олег Денисович, – начал он, – как можно обходиться двумя или тремя врачами, с учетом того, что надо наблюдать реанимационное отделение, обезболивать операции и спать хотя бы три-четыре часа в сутки. Я не в смысле подготовки к дезертирству, а просто чтобы понять.

Над этой загадкой Данилов ломал голову вчера вечером, но единственным найденным им решением проблемы могло стать временное прикрепление врачей из других отделений. Но в-первых, хирург или терапевт анестезиолога-реаниматолога полноценно заменить не смогут, это не кардиолога в терапию на месяц перевести, а во-вторых, откуда их брать, если вся больница едва укомплектована? Бином Ньютона в сравнении с такой задачей – детская забава.

– Хороший вопрос, – одобрил заведующий отделением. – И хорошо, что не в смысле подготовки к дезертирству. Хотя скажу честно, что если бы не семейные обстоятельства – только бы меня здесь и видели. А выкручиваемся мы так: если надо давать наркоз, а в реанимации оставить некого, то приходится полагаться на сестер. Сестры у нас все опытные, со стажем, не свиристелки какие-нибудь...

– Но все-таки это медсестры, – вырвалось у Данилова.

– Хорошо. Тогда такая ситуация: вы дежурите один, а «скорая» привозит «авто» (пострадавшего в автомобильной аварии. – *Сленг.*), или ножевое ранение, или что-то, подлежащее срочной операции. Хорошо, если кто-то из коллег отдыхает в ординаторской, а если нет? Вот и приходится. Случись что, можно, конечно, и пострадать, но надо же надеяться на лучшее, не так ли?

Данилову было ясно, что оптимизм заведующего отделением есть не что иное, как способ самоуспокоения, адаптации к экстремальным условиям. Иначе если прокручивать в уме возможные последствия, то недолго и свихнуться. Ситуация-то донельзя скользкая, тут и вдумываться не надо. Умрет пациент в реанимации без врача, напишут родственники заявление в прокуратуру...

– Все относятся с пониманием: и пациенты, и родственники, – добавил Олег Денисович, угадав по выражению лица Данилова, о чем тот думает. – Входят в положение.

«Тысяча входящих в положение не стоит ничего перед одним, не желающим входить», – подумал Данилов и рассудил, что, назвавшись груздем, надо лезть в кузов, а не предаваться меланхолическим пророчествам. В любом случае следует присмотреться, составить собственное мнение и уж тогда... А что тогда? Менять монаковское шило на какое-нибудь другое мыло? Все будет так же, разве что с небольшими отличиями.

На утренней конференции Данилова представила народу заместитель главного врача по медицинской части Елена Михайловна (сам главный врач пятиминутку посещением не удостоил). Сухопарая, блеклая, очкастая, она как нельзя лучше подходила под определение «бледная немочь». И как показалось Данилову, у Елены Михайловны не все было ладно с головой.

– Вот видите, уважаемые коллеги, – сказала она, закончив церемонию представления, – в Москве далеко не все так хорошо, если оттуда уезжают такие врачи, как Владимир Александрович! Врачи, прошедшие огонь, воду и медные трубы...

Столь великий пафос показался Данилову уже не наигранным, а болезненным, патологическим. «Огонь – это «Скорая», – прикинул он, – «вода», наверное, – Склиф, ну а медные трубы – это без вопросов Федеральный клинический госпиталь МВД, трубы как трубы. Странно, конечно, нормальное учреждение и администрация, что главного врача возьми, что заведующего отделением, далеко не самые паскудные сослуживцы, а чем все закончилось?

– ...уезжают из столицы, потому что понимают, уже успели испытать на своей, пардон, шкуре всю эту сладкую московскую жизнь, которая на самом деле очень часто горчит...

– Знаем мы, как она горчит, – донеслось откуда-то сзади до Данилова, – так горчит, что слипается в одном месте. А то мы не знаем, чего это москвичи к нам потянулись! Знаем, знаем, где тут собака зарыта и как эту собаку зовут!

Оборачиваться на голос Данилов не стал, но решил сразу после «пятиминутки» узнать у заведующего отделением, где тут зарыта собака и какое отношение она имеет к нему.

– ...мы, разумеется, не вправе допытываться, какие именно причины побудили Владимира Александровича уехать из Москвы, но мы прекрасно понимаем, что причины эти были вескими...

– Ну, все, села на любимого конька, – сказал за спиной Данилова другой голос, не мужской, а женский. – Теперь минут десять будет распинаться.

– Как же – такой случай! – ответила другая женщина. – Полбольницы в Москву свалило, а тут видите ли, наоборот. Разве ж можно не выступить?

Данилов почувствовал, что краснеет. Вроде бы и не с чего, а как-то неловко. С одной стороны, какие-то непонятные намеки насчет всезнающих москвичей, с другой – этот никчемный пафос. Подумаешь, большое дело, переехал человек с одного места на другое, так нет же, непременно надо какие-то выводы сделать!

Дождавшись окончания пятиминутки, Данилов спросил у заведующего:

– Слышал я уже дважды разговоры насчет того, что неспроста я, москвич, устроился к вам работать. Не объясните ли, Олег Денисович, в чем тут дело? А то, может, я по незнанию какую-то великую выгоду упускаю?

– Да какое там! – скривился Олег Денисович. – Сплетни все это и домыслы, пустопорожний звон...

– А на какую тему? – Вносить ясность надо до конца, считал Данилов.

– Вы, наверное, знаете, что у нас есть огромное Иваново-Никольское водохранилище, которое еще называют Монаковским морем?

– Знаю, конечно.

– Год назад пошли слухи, что по каким-то не то экологическим, не то экономическим причинам водохранилище решено уменьшить, в результате чего должны появиться земельные участки, ранее бывшие под водой. И вроде бы они будут продаваться по льготной цене жителям Монаковского района. Чуть ли не за копейки... Информация совершенно недостоверная, никем не подтвержденная, работ по частичному осушению не ведется. Помните, как у Ильфа и Петрова жители Черноморска все события сводили к тому, что быть им вольным городом? Так же и у нас некоторые все происходящее связывают с этими участками и их льготной продажей. А заводилой у них доктор Тишин из приемного отделения...

«Игорь Тишин – это наш балабон и пустомеля, – вспомнил Данилов характеристику, данную Мариной. – Как врач ничего из себя не представляет, может дизентерию в терапевтическое отделение положить, но зато вечно всем недоволен, любит погундеть по любому вопросу, покачать права, выставить всех гадами, а себя белой лебедью... Презерватив ходячий, а не человек».

– ...Объяснять дуракам, что они заблуждаются, бессмысленно, – продолжил заведующий отделением, – недаром говорится, что дурака учить – это как мертвого лечить. Не обращайтесь внимания, поговорят и перестанут.

– Да, это лучший выход, – согласился Данилов.

Объяснения только укрепят веру в то, что дело нечисто. Раз оправдывается, значит, виноват.

– Это, кстати говоря, не единственная версия, касающаяся причин, вызвавших ваш переезд в Монаково. – В глазах Олега Денисовича заплескали веселые искорки. – По второй версии у вас давний роман с Мариной Юрьевной из гинекологии, и дело идет к бракосочетанию. По третьей версии вы – подставное лицо, которому поручено организовать при больнице платную наркологическую клинику...

«Одна версия лучше другой! – восхитился Данилов. – Но почему только три версии? Как это еще никто не додумался объявить меня внебрачным сыном главного врача, которого любящий отец собирается сделать своим преемником? И почему именно наркологическую клинику, а не клинику пластической хирургии?»

– ...я же склонен подозревать, что вышли у вас какие-то серьезные трения с московским департаментом здравоохранения, и пришлось искать работу за пределами Москвы. Самое простое объяснение чаще всего и оказывается верным.

– Примерно так оно и есть, – усмехнулся Данилов, думая о том, что простые объяснения хоть и верны, но малоинтересны и оттого людям не хочется в них верить...

Рабочий график Данилова получился ударно-трудоголическим. Суточное дежурство, восьмичасовой отдых, новое дежурство до девяти утра, затем работа в отделении до шестнадцати часов, затем отдых до следующего утра, и снова в том же ритме. Разумеется, неофициально, но Олег Денисович положил правую руку на лекарственный справочник и поклялся, что оплачено все отработанное будет, как положено, но только в виде премии.

– Пока не выйдет Цапникова, желательно бы вам не уходить на отдых домой, а оставаться в отделении, – попросил заведующий. – Для подстраховки, на всякий случай. Можете рассматривать мой кабинет как второй дом.

– Хорошо, – согласился Данилов. – Только нельзя ли мне получить субботу в полное свое распоряжение? Ко мне жена должна приехать, вещи кое-какие привезти, посмотреть, как я устроился... А до субботы и после можете уплотнить все, как вам будет угодно, хоть двое суток подряд ставьте.

– Двое суток подряд это сурово, – вздохнул Олег Денисович. – Но приходится, что поделаться. И самое ужасное, что нет никакой перспективы на лучшее. Нет кадров! Была надежда на переселенцев из ближнего зарубежья, но они в Москву стремятся или хотя бы туда, где работать выгоднее – в областные центры, к примеру, в Тверь.

– А там выгоднее? – полюбопытствовал Данилов.

– Выгоднее. Туда даже не всех берут. В Твери, например, врачу не так легко устроиться на работу, как у нас. Можно, конечно, но придется поискать, походить, и это несмотря на то что там нет сельских надбавок, коэффициентов и таких возможностей для совмещения. Главный врач бомбардирует письмами тверской департамент здравоохранения, добиваясь усиления нашего и других отделений тверскими врачами, но все впустую. Никто из Твери не горит желанием работать у нас даже 2–3 месяца.

Мы находимся в глубокой жопе, и выберемся ли мы из нее – еще бабушка надвое сказала.

– Мое впечатление в целом совпадает с вашим, – признался Данилов, – но всегда хочется надеяться на лучшее.

На этом время разговоров закончилось, началась работа. Заведующий познакомил Данилова с доктором Дударем, атлетически сложенным блондином с хитровато-ироничным взглядом, и поручил его попечению реанимационное отделение, в котором из двенадцати коек было занято три.

Мониторами здесь были оснащены всего четыре койки. В Москве реанимационную койку без монитора нельзя было представить.

– Пока был сильный напруг, нас по полной не загружали, берегли, как могли, – прокомментировал Олег Денисович. – Но сейчас, с вашим появлением, мы расширимся до восьми коек, а когда поправится Цапникова, заработаем на полную мощность.

– Наталья Геннадьевна может и свалить. – Дударь, присутствовавший при разговоре, скептически улыбнулся. – Шестьдесят два года ей, как-никак в поликлинике можно те же самые деньги зарабатывать, что и у нас, но без ночных дежурств и в более спокойной обстановке.

– Не исключен и такой вариант, – погрустнел заведующий отделением. – Может, мне тоже в поликлинику свалить? Нет, лучше на «Скорую» – отбарабанил сутки, и отдыхай до следующей смены...

«А зря я проигнорировал вариант трудоустройства на местную «Скорую», – подумал Данилов. – В таких-то условиях там, конечно, удобнее, там самая зверская нагрузка – сутки через сутки. И на две части разрываться не приходится – получил вызов, пока его не закроешь, нового тебе не дадут».

Но теперь уже было поздно пить «Боржоми». Даже если набраться нахальства и обратиться к главному врачу с просьбой о переводе на «Скорую», то вряд ли эта просьба будет удовлетворена. Скорее всего, Юрий Игоревич решит, что имеет дело с идиотом, у которого семь пятниц на неделе, и поспешит избавиться от столь «ценного» кадра. Да здесь и у «Скорой» должна быть своя специфика – длинные «концы» по колдобинам и бездорожью, а тут хоть под крышей работать, в тепле и уюте, не на семи ветрах. И как что должно сложиться, так оно и будет, непонятно только, для чего провидению понадобилось выживать его из Москвы? Для расширения кругозора? Или это такой контрастный душ, который поможет найти свое место в жизни, перестать метаться? Или намек, что пора перестать быть ершистым и колючим? Или

просто обычный дурацкий случай, бессмысленный и беспощадный, как русский бунт? Гадать можно было до бесконечности...

В начале второго буфетчица Анна Васильевна привезла обед для сотрудников и сразу же отправилась на пищеблок за обедами для больных. Собственно говоря, всем лежавшим в реанимации обеды были не нужны: кто без сознания, кто после операции на желудке только сок пьет, да и тот разбавленный кипяченой водичкой, но это не означает, что обеды должны остаться невостребованными. Самой буфетчице лишняя еда всегда пригодится, это ее законный должностной хлеб.

Обед, как и говорила старшая сестра, оказался неплохим, если совсем начистоту, вполне сносным. Салат «оливье» по эконом-варианту (яйца, зеленый горошек, лук, майонез), борщ средней наваристости, но ароматный, две котлеты с гречневой кашей. Если бы не котлеты, в которых хлеб явно доминировал, то обед можно было бы считать хорошим. Данилов остался доволен. В отношении больничных поваров он никогда не обольщался, отлично понимая, что на этой работе малые праведные доходы должны непременно подкрепляться неправедными, иначе работать на пищеблоке нет никакого смысла, да и ожидать, что за тридцать два рубля тебе подадут шикарный ресторанный обед, было бы глупо. После обеда Данилов проставился двумя принесенными тортами, которые были радостно встречены и подчистую съедены.

Сразу после обеда Олега Денисовича вызвали на срочную операцию – «скорая помощь» привезла прободение язвы желудка. Олег Денисович разбудил Дударя, прикорнувшего на диване в его кабинете, отправил к больным, а Данилова забрал с собой, сказав:

– Познакомьтесь с хирургами, а заодно и освоитесь в нашем оперблоке.

Роль сестры-анестезиста выполняла старшая сестра. Данилов уже успел заметить, что с заведующим отделением ее связывали не только рабочие, но и личные отношения. Видно это было по взглядам, по жестам, по выскользнувшему обращению «Олежка», да и когда между людьми есть что-то интимное, оно сразу же бросается в глаза.

Оперировал заведующий хирургическим отделением Крамсалов. Руками он действовал сноровисто, а языком еще быстрее, болтал без умолку, обсуждая больничные и городские новости, политику, футбол, состояние отечественной медицины, новинки кинопроката, грядущую зиму... Разве что экономики Китая не коснулся, да и то скорее всего потому, что времени не хватило. Данилов побыл на операции, затем вышел на ознакомительную экскурсию по оперблоку удивился, что не увидел кабинета заведующего, и узнал у санитарки, что оперблоком по совместительству заведует Крамсалов, которому хватает и одного кабинета – в хирургическом отделении.

После операции заведующий отделением отпустил доктора Дударя домой, показаться на глаза жене и детям, чтобы не забывали, что у них есть отец и муж, а сам ушел подавить подушку в кабинете, сказав Данилову:

– Лучше сто раз не по делу меня будануть, чем один раз по делу не будануть. Не стесняйтесь.

– Не буду – пообещал Данилов, занося Олега Денисовича в разряд правильных заведующих.

Правильные начальники считают, что пусть лучше подчиненные побеспокоят их лишний раз по пустякам, чем натворят без их ведома дел. Другие шефы любят повторять: «Я вам не нянька, справляйтесь сами!» – и как следствие вечно разгребают какие-то проблемы, которых без труда можно было бы избежать.

Спустя час после ухода заведующего к себе поперла местная специфика. Раздался звонок в дверь, причем не в ту, что вела на улицу и через которую принимали больных, а в другую, которая посредством короткого коридора сообщалась с вестибюлем и в обиходе называлась служебным входом. Дежурная медсестра вместе со старшей сестрой перестилали постели и меняли полотенца (не успели сделать это с утра), поэтому на звонок откликнулся Данилов. Он

открыл дверь и увидел краснолицего бритоголового амбала лет тридцати в короткой кожаной куртке, спортивных штанах и остроносых лакированных туфлях. Классический типаж плохого парня из лихих девяностых годов, только кобуры под мышкой не было. Но это еще ничего не означало, поскольку некоторые плохие парни суют свои «волыны» за пояс на спине, а некоторые цепляют на голень.

Амбалу было явно не по себе. Пот лил с него градом, он привалился плечом к стене, чтобы не упасть, и то и дело вытирал себе лоб скомканным платком.

– Денисыч здесь, родной? – по-свойски спросил амбал.

– Здесь, – ответил Данилов, которого последний раз называли родным во время работы на «Скорой помощи» (два брата-наркомана вымогали у него «уколычики»).

– Так я пройду?

– Куда? – удивился Данилов, придерживая дверь.

– Как куда? На койку! – так же удивленно ответил амбал. – Не в коридоре ж вы меня лечить будете?

– А вы уверены, что мы вас должны лечить? Это реанимационное отделение! – Данилов указал свободной рукой вверх, на надпись над дверями.

– Я только здесь и лечусь! – гордо вскинул голову амбал. – В терапии насмерть залечат, только Денисычу доверять можно...

Говорил он уверенно, явно не брал на пушку. Данилов посмотрел на покрытую пылью обувь.

– Забыл, блин! – Страдалец извлек из кармана куртки большой пластиковый пакет.

Через полминуты он стоял перед Даниловым без обуви и куртки, с раздувшимся пакетом в руках.

– Заходите, – разрешил Данилов.

Он проводил амбала до ближайшей койки и спросил:

– Что сказать заведующему?

– Скажи, что Юра подыхает.

Данилов так и передал. Олег Денисович ничуть не удивился. Встал с дивана, натянул халат и пошел лечить подыхающего. Спустя четверть часа обколотый и посвежевший Юра лежал под капельницей и мурлыкал себе под нос какой-то невнятный мотивчик. Данилов заинтересовался у заведующего, под каким диагнозом пойдет Юра.

– Домой он пойдет, – ответил Олег Денисович. – Мы на таких историй не заводим и диагнозов им не придумываем. Полечили, получили, и до свидания. Юра – наш постоянный клиент, я имею дело только со знакомыми, а то ведь у нас могут и подставу прислать – органам план по борьбе с коррупцией выполнять надо.

– А если сейчас какая-нибудь проверка нагрянет?

– Пусть нагрянет – отбрешемся! Скажу, что пришел самотек с подозрением на инфаркт, а историю пока еще не успели оформить. Только к нам ведомственные проверки ходят людски: начинают с кабинета главного врача, и он, предупредив персонал, ведет их куда считает нужным. Экспромтом только ОБЭП нагрянуть может или наркоконтроль, их и опасайтесь.

– И часто навещают?

– Когда как, но раз в месяц кто-нибудь да придет. Наркоконтроль обожает под утро заявляться, часов в пять, когда пофигизм достигает своего пика, а ОБЭПовцы – в любое время. Иногда такие концерты устраивают для правдоподобности – закачаешься! Сразу предупреждаю – с незнакомыми не связывайтесь. И не думайте, что если к вам пришел на промывку явный наркоман, исколотый с головы до пят, то это не подстава. Наркоман или алкаш может быть настоящим, а в роли брата или матери окажется кто-то из сотрудников. Поэтому связывайтесь только со знакомыми. Вот, например, явится в мое отсутствие Юра – лечите его спокойно.

– Я, наверное, никого левым образом лечить не стану, – ответил Данилов. – Не привык до сих пор, нечего и начинать.

– Еще никто не признавался, что любит слевачить, – усмехнулся Олег Денисович, – а под суд на моей памяти столько сотрудников угодило... Даже ветеран нашей районной медицины, Надежда Борисовна, которая у самого Мясникова училась, попала на оформлении медкнижек!

– Мне главный врач рассказывал об этом.

– Шестьдесят лет врачебного и чуть ли не семьдесят общего стажа, член КПСС с хрен знает какого года, медали и грамоты имеет – и то не устояла перед соблазном! А вы говорите. Так что будьте осторожны...

– Буду, – пообещал Данилов, не вдаваясь в дальнейшие объяснения.

В конце концов, все люди судят о других по своей мерке, поэтому если заведующий отделением склонен левачить, то, по его мнению, этим должны грешить все.

В половине восьмого утра в служебную дверь снова позвонили, причем позвонили требовательно: два коротких звонка, один длинный. Данилов открыл дверь и увидел высокого мужчину в джинсовом костюме, лицо которого показалось смутно знакомым.

– Будем знакомы, – улыбнулся и протянул Данилову руку. – Доктор Заречный, Виктор Анатольевич, из терапии. Вы не разрешите мне выйти через ваш приемник?

– Заходите, – пригласил Данилов, отступая в сторону. – Через порог вроде как не полагается знакомиться. Очень приятно, а я – Владимир Александрович.

– Я в курсах – был на пятиминутке. Извините за беспокойство, но меня у главного входа ждет злобная фурия, от которой я с вашей помощью надеюсь улизнуть.

– Родственница кого-то из больных? – сочувственно спросил Данилов, пересекая отделение рядом с Заречным.

– Хуже! – вздохнул тот. – Моя родственница, законная супруга, с которой я все никак не разведусь. Обычно она подстерегала меня у ворот, а сегодня выглянул в окно – у корпуса прохаживается. А вы, коллега, женаты?

– Женат.

– Жену с собой привезли?

– В Москве осталась.

– Я-а-асно, – протянул Заречный.

По многозначительности его тона Данилов понял, что одной версией, объясняющей его появление в Монаково, стало больше. Захотелось внести лепту в местное народное творчество, обогатив его какой-нибудь своей версией, ведь выдумывать что-то про себя самого гораздо веселее, чем про кого-то другого.

«Что бы им такого соврать, чтобы они приняли эту версию и больше никаких других не строили? – подумал Данилов, выпустив коллегу на улицу. – Сказать, что приехал искать клад? Не годится, еще прирежут, чтобы карту украсть, да и незачем для поисков клада устраиваться на работу в больницу. Намекнуть, что хочу сделать быструю карьеру? Еще хуже – восстановлю против себя все местное медицинское начальство, начиная с Денисовича, причем совершенно напрасно. Да... Интересней правды ничего не придумаешь, но правду всем сообщать не обязательно...»

В служебную дверь снова позвонили и, не удовлетворившись результатом, громко постучали. Дежурная сестра Нина делала утренние инъекции, поэтому открывать снова пошел Данилов, думая о том, почему здесь, в Монаковской ЦРБ, принято всегда держать двери отделения закрытыми.

На сей раз в реанимацию явился доктор Тишин из приемного отделения, тот самый, похожий на воробья.

– Что за дела, доктор?! – гаркнул он, не входя в отделение. – Или у вас в Москве сводку ответственному по больнице подавать не принято?!

– Вот она! – Медсестра кинулась к дверям, на ходу достав из кармана халата вдвое сложенный бланк. – Извините, замешкалась.

– Ты опоздала, а доктор не проследил. – Тишин неодобрительно посмотрел на Данилова. – А то тут некоторые думают, что в Москве порядок, а я так скажу – такого бардака, как в Москве, нет нигде!

Слова бы Данилов еще стерпел, но не победоносный взгляд: «съел, мол, прыщ московский?»

– Спасибо, Нина, я сейчас, – сказал он медсестре и вышел в коридор, плотно затворив за собой двери.

Тишин попятился и попробовал развернуться и уйти, но оказался прижатым к стене. Левой рукой Данилов крепко держал ворот тишинского халата, а правой, сжатой в кулак, резко ткнул Тишина под ребро. Хотел повторить, но увидев испуг в глазах оппонента, передумал.

– Не надо со мной так себя вести! – попросил Данилов. – Пожалуйста.

Тишин замотал было головой, но спохватился, что это может быть превратно истолковано, и дважды кивнул.

– Спасибо за понимание.

Данилов отпустил обмякшего коллегу, разгладил и одернул его смятый халат, улыбнулся и ободряюще похлопал по плечу: все хорошо, свободен. Тишин, не говоря ни слова, повернулся, и, быстро перебирая ногами, даже слегка подпрыгивая от усердия, ушел.

Данилов вернулся в отделение, мысленно поздравил себя с первой победой и отчитал себя за несдержанность. Отчитал чисто для порядка, прекрасно понимая, что на таких козлов, как Тишин, тумачи действуют гораздо лучше слов. Точнее, только тумачи с пинками на них и действуют, а объяснять, взывать, призывать, просить и уговаривать бесполезно – только сильнее выделываться начнет. А тут прижал, ткнул, и полная гармония и взаимопонимание. Как верно сказал поэт:

Добро должно быть с кулаками.
Добро суровым быть должно,
чтобы летела шерсть клоками со всех, кто лезет на добро.
Добро не жалость и не слабость.
Добром дробят замки оков.
Добро не слякоть и не святость,
не отпущение грехов...¹

– Вы на Тишина не обращайте внимания, доктор. – Медсестра уже закончила делать инъекции и сидела на посту. – Он пыльным мешком по башке шандарахнутый, с ним спорить – себе дороже.

– Тишин – нормальный мужик. – Данилов улыбнулся сестре. – С ним только понимание найти надо.

Общий язык был найден настолько хорошо, что после пятиминутки Данилов услышал от Тишина вежливое и дружелюбное:

– До свидания. Счастливо отдыхать.

– И вам не болеть, – так же дружелюбно ответил Данилов и ушел отдыхать в кабинет заведующего отделением.

¹ Станислав Куняев, «Добро должно быть с кулаками».

Глава третья

Московские новости и непознаваемая местная жизнь

Елена обещала приехать к двум часам. Чтобы первая половина дня не пропадала зря, Данилов решил нанести визит вежливости родителям Маши. Позвонил, представился и был приглашен в гости.

– Мы живем в розовом доме на углу Пионерской и Октябрьской, где с одной стороны аптека, а с другой – почта, – объяснила мать Маши. – Очень легко найти...

В Монаково было много улиц со старорежимными названиями: Революции, Пионерская, Октябрьская, Коммунистическая, имени Коминтерна, Маркса, Энгельса и Парижской коммуны, Советская, Красноармейская, проспект Ленина... Такое впечатление, что улицы здесь в девяностые годы прошлого века не переименовывали, то ли сэкономили деньги, то ли просто руки не дошли, то ли власти опасались, что подобные действия не встретят понимания у населения.

Визит оказался унылым. Родители Маши долго сетовали на изменившиеся нравы, намекая на несправедливое к ним отношение со стороны главного врача, которого иначе как Юркой-жуликом не называли. Данилову сразу стало ясно, где зарыта собака: по причине пенсионного возраста обоих Машиных родителей попросили из заведования, а продолжать работать рядовыми врачами они не желали и ушли на пенсию, целиком и полностью сосредоточившись на дворовых новостях и дачном земледелии.

– Мы не любим шума, поэтому будни проводим на даче, а выходные – в городе, – сказала Машина мать.

От рассказа о своих невзгодах она (отец Маши больше помалкивал, только кивал, соглашаясь с тем, что говорит жена) быстро перешла к расспросам и принялась выпытывать у Данилова, что за человек Полянский, с которым был роман у ее дочери, и почему он до сих пор не женат.

Данилов призвал на помощь фантазию и щедрыми, яркими мазками нарисовал светлый образ перспективного молодого ученого, с головой ушедшего в науку, кочующего с симпозиума на конференцию, с конференции на семинар, отдающего всего себя интересам дела, у которого совсем не оставалось времени на устройство личной жизни.

Он рассказывал и внутренне содрогался от смеха, думая о том, насколько его Полянский отличается от реального, завязанного бабника и закоренелого холостяка, число несостоявшихся спутниц жизни которого давно перевалило за сотню. «Знаешь, она така-а-ая! Ты не представляешь, какая она! Я наконец-то нашел свою половинку!» – и через полтора-два месяца: «Она такая, как все, ничего особенного». В этом был весь Полянский. Маше недолго оставалось ходить в его половинках, но пока что оба они верили, что это навсегда, и были счастливы.

Высидев для приличия час, Данилов сослался на скорый приезд жены и откланялся, получив приглашение по-свойски заходить на огонек. Вышел, облегченно вздохнул, позвонил Елене, узнал, что она стоит на одном из множества светофоров, которыми славится город Солнечногорск, и отправился на прогулку. Неспешным шагом добрал до набережной, полюбовался рекой и не спеша вернулся домой, в общежитие.

Спросил бы кто Данилова: «Какое оно, Монаково?» – Данилов ответил бы не задумываясь: «Разное». Действительно, разное: асфальт сменяется грунтовыми дорогами, цепочки одноэтажных домиков – четырех- и пятиэтажными домами, а окраины, которые уже лет сорок никак не отвыкнули звать новостройками, застроены девяти- и шестнадцатизэтажками. За городом, на берегу Волги, вырос элитный таунхаус «Монако гранд меридиан» – оплот и пристанище местной буржуазии.

– Эх, не ложатся к нам монаАковцы, одни монакОвцы, – вздыхал охочий до нетрудовых доходов доктор Дударь. – МонаАковцы все в Тверь норовят улечься или в Москву. Богатое к богатому тянется, голытьба к голытьбе...

Елена приехала ближе к трем часам. Навигатор вывел ее прямо к общежитию. Данилов увидел из окна, как она паркуется задом к подъезду, и поспешил на улицу.

– Вова! – Елена повисла у него на шее. – Я уже успела так соскучиться! Никита передавал тебе привет, если бы ему нашлось место, он бы приехал со мной.

Багажник и салон Елениной машины были забиты под завязку вещами Данилова.

– Какой я, однако, зажиточный, – пошутил Данилов, спустившись за новой партией вещей в четвертый раз.

Седьмая ходка оказалась последней.

– Когда благородный муж умерен в еде, не стремится к удобству в жилье, расторопен в делах, сдержан в речах и, чтобы усовершенствовать себя, сближается с людьми, обладающими правильными принципами, о нем можно сказать, что он любит учиться, – выдала Елена, скептически оглядев даниловские апартаменты, заваленные коробками и пакетами.

– Конфуций? – предположил Данилов.

– Он самый. – Елена, лавируя между завалами, подошла к окну и выглянула во двор. – Вид у тебя неплохой. Ну, рассказывай, Данилов, как ты тут живешь? Уже успел сблизиться с людьми, обладающими правильными принципами?

– Пока что только с соседкой из пятнадцатой комнаты, – признался Данилов. – Я же больше живу на работе, чем здесь.

– Соседка симпатичная? – насторожилась Елена.

– Миленькая такая, – поддразнил Данилов, – чай заваривает вкусно. Я тебя с ней познакомлю, должна же ты войти в местное общество, чтобы иметь представление, с кем общается твой муж.

– Давай отложим на потом, – ответила Елена, присаживаясь на край кровати. – Сейчас мы разберем этот бардак, а потом я расскажу тебе последние московские сплетни.

– А давай сначала сплетни? – просил Данилов. – Я безумно соскучился по московским сплетням!

– Ordnung muss sein! («Порядок должен быть!» – нем.) – Елена встала и подняла ближайший пакет. – Сначала разберем, а потом будем разговоры разговаривать... Ой, а скрипку-то я тебе не привезла! Совсем забыла! Балда я, балда!

– Ничего страшного, – поспешил успокоить Данилов. – Вернее, хорошо, что не привезла. Мне тут все равно не до скрипки, местная обстановка как-то не располагает к музицированию. Жителю Монакова больше подходит баян или балалайка.

– Ты хочешь сказать, что здесь так провинциально?

– Здесь все по-другому, – серьезно ответил Данилов. – Это другой мир, это... – он замялся, подбирая нужное определение, но не нашел ничего лучше, чем сказать, – не Москва, это – матушка Россия.

– Жду подробностей, – потребовала Елена.

– Сначала орднунг, потом московские сплетни, ну а третьим номером программы пойдут местные впечатления. – Данилов разрезал ключом от апартаментов упаковочный скотч и раскрыл самую большую из коробок...

Разобрались быстро. Через полчаса вещи лежали по своим местам. Большая часть – в шкафу, электрический чайник и посуда – на столе, книги и справочники – на широком подоконнике. Наполнившись знакомыми вещами, комната в общежитии стала совсем домашней.

– Ничего, – одобрила Елена. – А можно ли гостям пользоваться вашим душем?

– Разумеется. – Данилов достал из шкафа только что убранные туда махровый халат, чистое полотенце и флакон с гелем для душа. – Держи. Тапки под кроватью.

Переодевшись, Елена подняла вверх руки, посмотрела на ноги, обутые в пластиковые шлепанцы Данилова, и усмехнулась:

– Вылитый Маленький Мук. Душевая-то у вас запирается?

– Изнутри – да, – ответил Данилов. – Если хочешь, я могу подежурить у двери, охраняя твой покой.

– Лучше вынеси мусор, завари чай и накрой на стол. – Елена указала пальцем на пакет, который остался стоять в углу. – Я привезла пирожные, чтобы отметить твоё новоселье...

Данилов управился гораздо быстрее Елены, которая любила долгие водные процедуры. Наконец она вернулась и рухнула на кровать, простонав:

– Хорошо-то как, не помереть бы от счастья! Дорога была такой *тяжелой*, по Московской области сплошные пробки... Господи, какое счастье, что у нас с тобой нет дачи!

Данилов оглушительно заржал, а отсмеявшись, рассказал жене историю с подводными земельными участками и потребовал:

– Выкладывай свои сплетни, а то ещё немного, и я узнаю все из газет.

– Ты же не читаешь их!

– Это речевой оборот такой (Данилов как-никак был сыном учительницы русского языка и литературы), намек на то, что ещё немного, и твои сплетни станут известны всему миру.

– Скорее всего, так и будет.

Елена уселась на кровати, скрестив ноги, Данилов указал рукой на кресло, но она отрицательно потрясла головой. Данилов придвинул стол к кровати, разлил чай по чашкам и сел рядом с Еленой.

– Говорят, что со дня на день с Москвы снимут Кепку! – Елена сделала паузу, ожидая, какое впечатление новость произведет на Данилова.

«Кепка» была одним из прозвищ московского мэра Жулкова, предпочитавшего данный головной убор всем прочим.

– Эти слухи ходили, ещё когда мы учились на первом курсе! – скривился Данилов. – Кепка и Целышевский вечны. Нас не станет, а они ещё будут.

Директора московского департамента здравоохранения Целышевского слухи снимали и отправляли на пенсию по три раза в год, но он выходил сухим из любой грязной воды, в крайнем случае жертвуя кем-то из подчиненных.

– Напрасно ты так думаешь. Ты телевизор не смотришь?

– Какой телевизор, Лен?! Посмотри, где ты тут его видишь?

– А в отделении? Или в вашей больнице нет телевизоров?

– Есть, но врачей не хватает. Я как зашел в больницу во вторник, так до субботы из нее не выходил. Знаешь, что такое тридцатипроцентная укомплектованность реанимации врачами? Это отработал – упал, потом встал, ещё отработал и снова упал. Какой, к чертям собачьим, телевизор?

– И новости вы с коллегами не обсуждаете?

– Не забывай, что это Монаково, а не Москва. Большая политика здесь заканчивается на главе районной администрации, все остальное монаковцев не интересует. Кадровые перестановки в Москве? Я тебя умоляю! Гораздо важнее, что жена доктора Заречного пообещала утопиться, если муж к ней не вернется, что магазин «Свежачок» у Аветиса купил Самвел, и теперь там водочный кредит без залога невозможен, что на улице Парижской комунны наконец-то засыпали яму...

Ямы этой Данилов увидеть не успел, но местные жители, например, тот же доктор Дударь, на полном серьезе утверждали, что вырыта она была ещё в далеком 1941 году и служила окопом то ли нашим войскам, то ли немецким (в руках врага Монаково находилось недолго, меньше месяца), и с тех пор её все никак не могли засыпать.

– Это и есть местные новости!

– А ты, я вижу, освоился здесь, – улыбнулась Елена.

– Есть немного, – подтвердил Данилов. – Так что с Кепкой?

– По центральным каналам идут передачи, в которых его чихвостят и в хвост и в гриву. Причем делается это не голословно, а с фактами. Сам понимаешь, что такого дыма без хорошего огня не будет. И сам понимаешь, какие тут открываются перспективы.

– Так-так, сейчас попробую сообразить! – Данилов прикрыл глаза, чтобы лучше думалось. – Значит, Кепку с Москвы снимут, а следом пойдут кадровые перестановки на всех уровнях...

– Правильно мыслишь, – одобрила Елена.

– Целышевского попрут, на его место скорее всего посадят Гучкова...

Когда-то давно главный врач «Станции скорой и неотложной медицинской помощи города Москвы» Михаил Юрьевич Гучков был заместителем директора столичного департамента здравоохранения. Отношения с Целышевским у него не сложились, как часто не бывает у руководителей и их чересчур притких подчиненных. Испугавшись, что Гучков его подсадит, Целышевский принял меры, в результате которых Михаил Юрьевич пересел в кресло главного врача одной из самых худших московских больниц, бросил его на усиление. Разумеется, в надежде, что Гучков не справится, его можно будет снять как не оправдавшего доверия и забыть о нем навсегда.

Расчет оказался неверным. Гучков не только решительно, но и умело взялся за дело и вскоре навел в своей больнице такой порядок, что бригады «скорой помощи» перестали брать с пациентов деньги за то, чтобы только не везти в эту «кузницу здоровья», и начали брать за то, чтобы туда отвезти. Целышевский похвалил Гучкова и назначил его главным врачом московской «Скорой». Вроде как повышение, но скорее всего не без надежды на то, что здесь Гучков непременно потерпит фиаско. Впрочем, нельзя исключить и того, что руководитель департамента по достоинству оценил организаторские таланты Гучкова и нашел им новое применение.

– ...кресло главного врача освободится, и в него сядешь ты! – Данилов открыл глаза и уставился на Елену.

– Вынуждена тебя разочаровать, – рассмеялась Елена. – Преемником Гучкова стану не я. Кто именно – сказать не возьмусь, но то, что не я – это стопудово. Я имела в виду твои перспективы...

– Чтобы я стал главным врачом «Скорой»? – Данилов опешил, но чашку свою не уронил, успев поставить на стол.

– Вова, не тупи! Включи мозг! – потребовала Елена. – Кадровые перестановки будут не только в медицине, но и везде, в том числе и в ГУВД. Улавливаешь?

– Да, – кивнул Данилов, которого к отъезду из Москвы вынудил конфликт с одним из гувдешных генералов. – Это обнадеживает и вдохновляет. Теперь я уверенно буду смотреть в будущее...

– Ладно, не издевайся. – Елена прикрыла рот Данилова своей ладонью. – Я тебе рассказала новость, теперь ты рассказывай про себя и про Монаково. А то по телефону только и слышу, что «угу» и «нормально»...

Снизу грянули хором:

Не отрекаются любя,
Ведь жизнь кончается не завтра.
Я перестану ждать тебя,
А ты придешь совсем внезапно...²

² В. Тушинова, «Не отрекаются любя».

– На первом этаже общежития живут большие любители хорового пения, – сказал Данилов, – только я еще не успел с ними познакомиться.

– И не надо, – посоветовала Елена. – Петь они точно не умеют.

А ты придешь, когда темно,
Когда в окно ударит выюга,
Когда припомнишь, как давно
Не согревали мы друг друга...

– Зато как душевно, – возразил Данилов. – И репертуар богатый – одно и то же подряд не поют. Нет, ты только послушай...

Пропустив куплет (сказки все это, что из песни слова не выкинешь) про «теплоту» и «трех человек у автомата», хор затянул:

За это можно все отда-а-а-ать,
И до того я в это верю-у-у-у
Что трудно мне тебя не жда-а-а-ать...

Елена спрыгнула с кровати, подбежала к открытому окну и закрыла его:

Весь день не отходя от двери-и-и-и-и...

– dokonчили певуны.

– Здесь очень хорошая слышимость, так что окно можно открыть, – сказал Данилов.

– Пугачева убила бы их за такое пение! – сказала Елена, снова открывая окно.

– Она бы порадовалась, – сказал Данилов. – Это ж квинтэссенция любви народной, когда твои песни помнят и поют. Если я не ошибаюсь, это песня времен нашего детства:

Огней так много золотых
На улицах Саратова...»³ —

затянул одинокий женский голос.

Парней так много холостых
А я люблю женатого-о-о... —

поддержали остальные.

Елена невнятно помянула чью-то мать (такое случалось редко) и вернулась на кровать.

– Не обращай внимания, – посоветовал Данилов. – Судя по душевности пения, они уже хорошо набрались, так что еще одна-две песни, и все. Потом другие соседи врубят рок или металл.

– Лучше металл, чем это унылое соплежуйство! «Я от себя любовь таю, а от него тем более!» – передразнила Елена. – Ладно, рассказывай о себе, только погромче. Как вам здесь живется, доктор Данилов?

– Живется мне ничего, – начал Данилов, – можно сказать, нормально. Имею эти прекрасные апартаменты, – он сделал широкий жест рукой, – всего за семьсот рублей в месяц, только еще не успел понять, электричество в эту сумму входит или нет. В городе, кстати говоря,

³ Н. Доризо, «Огней так много золотых».

меньше чем за три тысячи комнату не найти. Также я имею калорийные горячие обеды на работе, всего по тридцать два рубля за обед. Мидий, конечно, не подают, но в целом обеды достойные. Короче говоря, моя социальная защищенность на должном уровне. На работу хожу пешком, существенно экономя на транспорте, так что оклада в восемь тысяч рублей мне вполне хватит...

– Сколько-сколько? – вскинулась Елена. – Восемь тысяч?

– Ну, что-то около того. Но это без надбавок и за одну ставку, а мы работаем на три, если не на четыре...

– Но больше полутора вам никто не заплатит, – перебила Елена.

– Что сверх полутора, идет в премию, и насколько я понял, это неписаное правило соблюдается. Так что не все уж так плохо с материальной точки зрения.

– А как больница?

– Больница? – задумался Данилов. – Обычная сельская больница, как ее все называют. Сравнивать ее со Склифом или со сто тридцать третьей больницей бесполезно, потому что сравнивать можно что-то схожее, а тут все по-другому.

– А если поконкретнее? – Елена всегда отличалась дотошностью и любовью к деталям.

– Можно начать хотя бы с того, что здесь практически нет свободных санитарских ставок и до черта врачебных. Парадокс?

– Да, – согласилась Елена. – А в чем причина?

– Причина в том, что для многих местных жителей, точнее, жительниц, работа санитаркой – неплохая прибавка к пенсии или к огородно-фермерской деятельности. Совмещать можно неограниченно, график либеральный: можно уйти домой на обед, переделать дела и вернуться на работу; опять же связи в больнице тоже важны, случись что – отнесутся хорошо, по-свойски. Здесь с работой туго, и те, кто не желает или не имеет возможности уехать, держатся за любую работу, на которой регулярно платят. И по десяточке, а то и по полтиннику санитаркам обламывается, не без этого. А врачам нужны перспективы, большие заработки, высшее образование – это амбиции, а потом уже знания. Вот и нет врачей. И сестрам в основном больше сорока, но с ними напряженка, многие уезжают в Москву. Предел мечтаний местной медсестры – стать массажисткой в Москве. У меня уже человек десять по-свойски интересовалось, нет ли у меня каких завязок в массажных салонах... Среди местных бытует такая прикольная уверенность, что всего в жизни можно добиться только по благу.

– Закономерно, – кивнула Елена. – Все, кто считает иначе, пробиваются в Москву или еще где, а все, кто уповает на связи, сидят на полах и ждут у моря погоды, оправдывая свое бездействие отсутствием блага. Три дня назад общалась я в Скайпе с одноклассницей, некоторое время бывшей моей подругой. И вдруг она выдает: «Круто ты поднялась, Ленок! Сразу видно, что любовников с умом выбираешь!» Я так ржала, чуть ли не до истерики. Никита уже холодной водой обливать собрался...

– А что ответила?

– Написала: «Была ты, Светик, дурой, дурой и помрешь». Сам понимаешь, на этом общение закончилось. Слушай, а для кого я все это везла? Ты что, разлюбил сладкое?

– Нет, просто некогда за разговорами.

– В таком случае объявляю обеденный перерыв! – Подавая пример Данилову, Елена потянулась за пирожным.

Поедание пирожных прошло под песню «Мне пел-нашептывал начальник из сыскной...», после которой наступила тишина. Когда от привезенных Еленой сладостей почти ничего уже не осталось, Данилов налил в электрический чайник свежей воды (попробовав местную воду из-под крана, он сразу пошел и купил две пятилитровые фляги с питьевой водой) и вытряхнул в пластиковый пакет, играющий роль мусорного ведра, спитую заварку из заварочного чайника. Заглянув внутрь чайника, Данилов вздохнул и понес его в туалет ополаски-

вать от мелких чаинок. Отсутствие воды в комнате (раковину с краном можно было установить, медицинское общежитие, в конце концов!) создавало некоторые неудобства.

В коридоре Данилов встретил Марину.

– Ползу отсыпаться! – дoloжила она, доставая из сумки ключ. – А у вас, я смотрю, гости.

– Жена приехала, – ответил Данилов. – Но как?.. А-а, машину увидели...

– И сделала логический вывод! – рассмеялась Марина. – Заходите вечером в гости.

– Спасибо за приглашение, но вечером она уже уедет.

– Тогда заходите один, если жена разрешит!

Марина подмигнула Данилову и скрылась за дверью своей комнаты.

«Все, что угодно, только не роман с соседкой по общежитию! – подумал Данилов. – Это так пошло – все эти служебные и околослужебные романы!»

Вернувшись в комнату, он насыпал в чайник свежей заварки, залил ее подоспевшим кипятком и продолжил рассказ:

– Оснащение, конечно, не такое, как в Москве. Шприцы не кипятим, но мониторов вместо двенадцати всего четыре, хорошими трубками (имеются в виду эндотрахеальные, иначе говоря – интубационные трубки) и наборами для катетеризации наше отделение снабжают спонсоры...

– У вас они есть?

– Мой заведующий активно промывает местных любителей выпить или ширнуться, а часть платы берет расходными материалами, говорит им, где, чего и сколько надо заказать. И такая ситуация, насколько я понимаю, во всех отделениях. С лекарствами тоже не ахти, всего не хватает. Зам по медицинской части требует отчет чуть ли не за каждую таблетку и ампулу, но мы это дело успешно саботируем, типа руки не доходят. Ремонт оставляет желать лучшего, мебель тоже...

– Это все понятно, – перебила Елена. – А как тебе местная администрация?

– Пока не понял, – признался Данилов. – Что можно понять за неделю беспробудной работы? Только наслушался разных мнений, суть которых сводится к одному: будь у администрации руки развязаны, вела бы она себя иначе, а кадровый голод вынуждает быть человечной и беречь имеющихся сотрудников.

– В чем это выражается? – прищурилась Елена. – У вас анархия?

– На словах у нас железная дисциплина, – улыбнулся Данилов. – На бумаге – тоже.

– А на самом деле?

– В реальности каждый делает то, что считает нужным, стараясь не слишком выбиваться из рамок. Короче говоря, власть в больнице принадлежит низам, а не верхам. Если врача прижать или обидеть, он снимает халат...

Данилов уже сподобился лицезреть процедуру торжественного снятия халата. Во время утренней конференции заместитель главного врача Елена Михайловна напустилась на хирурга Краева, самовольно перекроившего расписание операций в отсутствие заведующего отделением. Сам заведующий хирургией сидел с отсутствующим выражением лица, показывая, что случившееся выеденного яйца не стоит – перекроил и перекроил, от перестановки оперируемых сумма дохода хирурга не меняется.

Елена Михайловна погорячилась и перегнула палку, сказала глупость:

– Самоуправству не место в нашей больнице! Еще одна подобная выходка, и мы с вами, Андрей Александрович, расстанемся! Навсегда!

Видимо, это пафосное «Навсегда!» и оказалось той самой последней соломинкой, сломавшей хребет верблюду терпения доктора Краева. Со словами: «Да разве ж я против?! Давно мечтал!» – Краев встал, стянул с широких плеч кандидата в мастера спорта по академической гребле халат и торжественно, на обеих руках, отнес его в президиум, где возложил его на стол перед Еленой Михайловной.

Замер с опущенной головой на несколько секунд, словно прощаясь с халатом, и торжественным шагом направился к дверям.

Заведующий хирургией сорвался с места, схватил краевский халат и с воплем «Андрюха, ну ты же не ребенок – пятьдесят скоро!» выбежал следом за мятежным доктором. Елена Михайловна закусилась трясущуюся нижнюю губу и продолжила пятиминутку. Часа через три доктор Краев пришел в реанимацию провести прооперированного им пациента. Его уговорил заведующий хирургией, справился.

– У нас нравы деликатные, – прокомментировал ситуацию Олег Денисович, – руководству грубить не принято. Куда приличнее и проще халат с себя снять – доходит лучше любых слов. Я, чего греха таить, и сам пару раз это делал. Один раз на совещании заведующих, другой – на пятиминутке.

– Хорошо помогает? – спросил Данилов.

– Помогает, только злоупотреблять не надо, во всем должна быть мера...

Елена с интересом выслушала рассказ о процедуре снятия халата и сказала:

– Трудно у вас руководить.

– Работать – тоже не сахар, – ответил Данилов. – Сплошной трудовой подвиг.

– Кстати о халатах. – Елена огладила рукой надетый на ней махровый халат Данилова. – Долго еще мне придется сидеть рядом с тобой во всяких соблазнительных позах в этом эротическом одеянии? Или ты так уработался в своей сельской больнице, что больше ни на что сил не осталось?

– Для хорошего дела силы всегда найдутся! – заверил Данилов. – Только дверь запру...

– Да уж, пожалуйста, – улыбнулась Елена. – Одно дело, когда все слышно, и совсем другое, когда все видно.

Созвучно настроению внизу запели:

Виновата ли я, виновата ли я,
Виновата ли я, что люблю,
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.
Виновата ли я, что мой голос дрожал,
Когда пела я песню ему.
Целовал, миловал, целовал, миловал,
Говорил, что я буду его...

– Надо бы тебе обзавестись каким-нибудь уютным диванчиком, – сказала Елена на прощание, – тогда я смогла бы оставаться у тебя ночевать.

Они стояли на улице возле машины, на пыльных боках которой местная детвора нарисовала пальцами кривляющиеся рожицы. Данилов мысленно поставил юным монаховцам пятерку по поведению. В Москве художники по пыли большей частью писали или изображали какую-нибудь похабщину.

– Я могу уступить тебе кровать и спокойно выспаться в кресле, – ответил Данилов, – а диванчик мне ни к чему. Не собираюсь я обрывать имуществом в Монаково, а то получится по пословице: коготок увяз – всей птичке пропасть. Сначала диванчик, потом комодик, за комодиком огорожок, так и застряну здесь на всю оставшуюся жизнь.

– А вообще-то тут неплохо. – Елена огляделась по сторонам. – Тишина, покой, умиротворение...

– Это певцы пока отдыхают, – сыронизировал Данилов. – А еще у местных жителей есть отвратительная привычка переговариваться на расстоянии без помощи телефона. Как начнут

орать из одного дома в другой: «Доброе утро, Семеновна! Как спалось?!» – так и мертвого поднимут.

– Нет, я непременно должна приехать к тебе на весь уик-энд, чтобы как следует познать местную жизнь! – решила Елена.

– Местную жизнь познать невозможно, – покачал головой Данилов. – Она сама кого хочет познает...

Глава четвертая

Лаборатория для крематория

Основоположник марксизма Карл Маркс считал, что всякая экономия в конечном счете сводится к экономии времени. Здесь он серьезно ошибался. Она сводится к лишним проблемам и ни к чему больше.

Бюджет Монаковского района был дефицитным, и экономить здесь привыкли на всем. Можно сказать, что здесь любили и умели это делать, помня народную мудрость: «на себе экономить нельзя».

На себе нельзя, а на закупках канцтоваров для районной больницы очень можно. Какая проблема? Выкрутятся!

Заместитель главы района по социальным вопросам поручила одной из своих сотрудниц рассчитать нормы расхода канцтоваров в ЦРБ. Поручение было профильным. В 1973 году сотрудница окончила медучилище и хотя по специальности ни дня не работала (решила, что лучше продвигаться по комсомольско-профсоюзной линии), но должна была представлять профессиональную специфику вопроса. Она выпросила под столь ответственное поручение неделю работы на дому и умотала на дачу, так как дело было в мае, месяце великих огородных работ. Расчету норм она посвятила последний вечер – проставила от балды числа в клеточках, уложившись не в заданную руководством сумму, а даже в меньшую. Умение работать с цифрами составляет основу любой административной деятельности, причем ее надо уметь подогнать под высшие интересы, иначе карьеры не видать.

Увидев новые канцелярские нормативы, главный врач подумал, что произошла ошибка. Звонок в администрацию убедил его в обратном.

– Купите за свои деньги, если не хватит! – рявкнула зам по социальным вопросам. – Сейчас времена такие – не до жиру, быть бы живу!

Насчет выживаемости зам по социальным вопросам не преувеличивала. Ее предшественницу, славившуюся своей несговорчивостью и чрезмерно завышенными аппетитами, застрелили прямо у здания районной администрации, она не успела до машины дойти. Виновных традиционно не нашли.

– Изыщите резервы, Юрий Игоревич! Найдите возможности! Вы же опытный администратор!

«Опытный-то опытный, – подумал главный врач, вешая трубку, – но покупать что-нибудь для больницы за свои деньги – перебор! Даже парадокс. Глупость, короче говоря».

Но без ручек и бумаги больница обойтись не может. Проще обойтись без чего-нибудь другого, например каких-то лекарств, ведь они не так уж и важны, главное, чтобы соответствующие назначения в истории болезни были сделаны. А как их сделаешь, если писать нечем и не на чем?

На ближайшем административном совещании главный врач обсудил канцелярский вопрос с подчиненными. Вопросы, напрямую не касавшиеся личных интересов, главный врач предпочитал всегда обсуждать с подчиненными, чтобы слыть не самодуром, а демократом.

– Дефицит канцелярских принадлежностей серьезно осложнит нашу работу! – высказалась зам по медицинской части.

– Спасибо, Елена Михайловна, напомнили, что дважды два – четыре, – саркастически ухмыльнулся заместитель главного врача по медицинскому обслуживанию населения Машурников, холеный сорокалетний красавец. – Вы – наш Капитан Очевидность!

Заместитель главного врача по медицинскому обслуживанию населения, который обычно возглавляет организационно-методический кабинет ЦРБ, – правая рука главного

врача, власть которой распространяется на всю медицину района, на службу скорой помощи, на участковые больницы, на фельдшерско-акушерские пункты с амбулаториями... Заместитель главного врача по медицинской части – это левая рука, менее ответственная и важная, власть которой распространяется только на районную больницу.

Елена Михайловна вела себя так, словно она равна по статусу Машурникову за что тот ее не любил (всяк сверчок знай свой шесток), поэтому частенько щелкал по носу, в переносном, разумеется, смысле.

– Я не капитан, Евгений Викторович, – оскорбилась Елена Михайловна, несведущая в современных сетевых терминах и званиях, – а заместитель главного врача!

– У Юрия Игоревича восемь заместителей, – ответил Евгений Викторович, намекая на то, что Самый Главный заместитель один.

У главного врача Монаковской ЦРБ действительно было восемь заместителей, если считать начальника штаба по чрезвычайным ситуациям и гражданской обороне. Даже восемь с половиной, как иногда, будучи в хорошем расположении духа, шутил сам Юрий Игоревич, включая главную медсестру больницы. На руководство кадровый голод не распространялся, и если бы кто-то из заместителей ушел на пенсию или на повышение, то его место не пустовало бы ни дня.

– Да нет никакой проблемы! – подал голос завхоз, то есть заместитель главного врача по хозяйственным вопросам Иван Валерьевич. – Кому нужна канцелярия, пусть тот и раскошеливается!

Участники совещания дружно поморщились – уж очень силен был перегарно-чесночный дух, исходящий от Ваньки-встанки. От такого ядреного духа полагалосьдохнуть не только комарам с мухами, но и воробьям.

– Ну вы даете, Валерьич! – возмутился заведующий травматологическим отделением Балабанов. – Как вам такое могло в голову прийти? Это при наших зарплатах еще на бумагу с ручками тратиться и на амбарные тетради? Это ж беспредел! Может, еще и костылей закупить на свои кровные? Вы скажите, не стесняйтесь, чего мелочиться?

– Это вы даете, Павел Яковлевич! – Завхоз демонстративно постучал себя по лбу костяшками пальцев. – Придумали какую-то чепуху! Разве я сказал, что сотрудники должны раскошеливаться?! Я больных имел в виду. Народу-то у нас проходит немеряно, если с каждого, к примеру, по десять рубликов, то это не деньги, а сложи все вместе – не только на канцелярию хватит, но и детишкам на молочишко останется. Что, разве не так?

– Это, конечно, не совсем законно, но что нам остается делать? – после небольшой паузы сказал главный врач. – Действительно, не самим же покупать.

– Прямо при поступлении брать со всех по червонцу? – усомнилась заведующая приемным отделением Мельникова. – Как-то мне не очень... Пусть лучше поликлиника старается.

– Она и так старается! – возразил заместитель главного врача по поликлинической работе Ворчуков, за привычку брить голову прозванный Черепом. – Из страховой компании денег выжимаем – будь здоров! Так что я попрошу...

– Извините, Дмитрий Владимирович, – перебил Машурников. – У меня есть идея получше. В приемном отделении деньги брать не годится, гораздо лучше делать это в лаборатории. Анализы назначаются всем, со всех и будем брать денежку за оформление результата. Амбулаторные пациенты будут платить в лабораторию при сдаче анализа, а со стационарных деньги будут собирать старшие сестры отделений, дадим им общественное поручение. Ответственной за сбор средств предлагаю сделать Ольгу Петровну. У меня все.

Главный врач дважды кивнул головой, и собравшиеся единогласно одобрили предложение Машурникова. Заведующая лабораторией, весьма бойкая и острая на язык дамочка Ольга Петровна Ушакова не возражала, так как понимала, что любой сбор средств всегда сулит ответственному за него лицу кое-какую выгоду. Сидя у реки, от жажды не умрешь.

На следующий день у входа в лабораторию появился крепкий фанерный ящик с откидным, запирающимся на замок верхом. Ящик крепко-накрепко прикрутили к стене, чтобы не унес какой-нибудь злодей, и написали на нем спереди красной краской при помощи трафарета: «Для добровольных пожертвований на оформление анализов». Наверху, у самой щели приклеили «прейскурант» – квадратик бумаги с надписью: «10 руб», который предполагалось время от времени пересматривать сообразно темпам инфляции.

Сбор пожертвований тотчас же заработал на всю катушку. Слово «добровольных» никого в заблуждение не вводило и ввести не могло, народ давно свyksся с тем, что это синоним «принудительного».

Большинство опускало в ящик по десять рублей за каждый анализ, а отдельные скупердяи интересовались:

– Это десять рублей с носа или с анализа?

– С анализа! – тоном, отметаившим всякое желание продолжать дискуссию, отвечали сотрудники лаборатории. – Нос один, а анализов может быть десять!

В отделениях назначенные врачами анализы шли в работу только после того, как старшие сестры получали от пациентов или их родственников добровольное пожертвование.

– Анализ-то сделаем, а на чем результаты написать? – объясняли непонятливым. – У нас ни бланков, ни ручек, вот и приходится рассчитывать на ваше понимание.

К чести сотрудников ЦРБ надо отметить, что с бедствующих категорий – одиноких пенсионеров, еле сводящих концы с концами, или бомжей – плата за анализы не взималась. Про совесть забывать не след. И без того выходило очень неплохо, даже с учетом того, что пятую часть пожертвований нахально забирала себе заведующая лабораторией в качестве вознаграждения за труды. Перепадало и главному врачу, таковы неписанные традиции.

Нововведение натолкнуло Юрия Игоревича на мысль, точнее, указало ему на великое упущение: в Монаковском районе не было ни одной фирмы, делающей платные анализы. Кажется (в первую очередь самому Юрию Игоревичу), что в сорокатысячном и небогатом (отдельные исключения только подтверждали правило) городе подобное учреждение обречено на банкротство.

«Если все безропотно платят по десятке, то процентов двадцать заплатят по сотне-другой, лишь бы сдать анализы без очереди, в цивилизных условиях, и получить ответ поскорее», – подумал Юрий Игоревич и позвонил двоюродной сестре своей жены, у которой в Твери был собственный бизнес – салон красоты.

– Вика, ты не хочешь открыть у нас в Монаково нечто вроде филиала? – спросил он, обменявшись домашними новостями.

– Что мне делать в вашей дыре? – вопросом на вопрос ответила родственница. – У меня не парикмахерская для голытьбы, а европейский салон!

Он и впрямь был на уровне: никаких парикмахеров, одни стилисты с визажистами.

– Я не могу регистрировать фирму на себя, – объяснил главный врач, – связываться с посторонними как-то не хочется. И не о парикмахерской идет дело, а о лаборатории.

– А разве на это дело не надо получать лицензию?

– Это мои проблемы! – заверил Юрий Игоревич. – Ты мне дай свое юридическое лицо, а все остальное я организую. Внакладе не останешься.

– Свои люди – сочтемся! – ответила родственница.

Через три недели (рекордные сроки) в Монаково открылась первая частная лаборатория. Юрию Игоревичу пришлось раскошелиться только на покупку кассового аппарата. Необходимую мебель и кое-какое списанное лабораторное оборудование (оборудование было нужно было «для блезира», на самом деле анализы предполагалось делать в лаборатории ЦРБ) он взял из больницы, а аренда двухкомнатного помещения у старого приятеля стоила дешевле бутылки хорошего коньяка, плохой Юрий Игоревич не пил.

Заведующую лабораторией главному врачу пришлось слегка обломать, потому что делиться с ней доходами ему не хотелось. Не такие баснословные доходы приносила лаборатория, чтобы отстегивать с них не только тверской родственнице, формальной владелице бизнеса, но и своим подчиненным.

Ушакова оказалась настолько наглой, что поинтересовалась, глядя в глаза главному врачу:

– А я что буду с этого иметь?

– Мое хорошее отношение, Петровна, – ответил Юрий Игоревич.

Ушакова проглотила ответ «хорошее отношение» на хлеб не намажешь и в карман не положишь, понимая, что им добьется только того, что в лаборатории ЦРБ появится новая заведующая.

Ввиду нехватки сотрудников Ольга Петровна тянула на себе треть всей врачебной нагрузки. Другую половину вела доктор Супрун, вечно недовольная всем пенсионерка, мастерски вязавшая крючком шали и салфетки. Лаборантскую нагрузку, те анализы, которые можно делать фельдшерам, делали три фельдшера-лаборанта – Таня-маленькая, Таня-большая и Лола Джамшитовна, переселенка из Наманганской области. Вот и все сотрудники, это при трех врачебных ставках и дюжине лаборантских! Лаборатория Монаковской ЦРБ состояла из шести отделов: общеклинического, гематологического, биохимического, иммунологического, микробиологического и коагулологического, это вам не кот начал!

Появление в Монаково платной коммерческой лаборатории изрядно увеличило нагрузку лаборатории больничной, сделав ее не непосильной, но близкой к этому. «А е... оно все конем!» – решила Ольга Петровна, не желая торчать в лаборатории с раннего утра и до позднего вечера еще и без выходных.

Ольга Петровна была женщиной с интересной, но до сих пор неустроенной судьбой. А что это такое неустроенная в Монаково? Мрак беспросветный в смысле перспектив. С кем тут можно познакомиться, если все кандидаты в спутники жизни давно оценены, опробованы и отвергнуты (или сами отвергли Ольгу Петровну, такое тоже случалось). Устройство личной жизни подразумевало активную светскую жизнь: поездки в Тверь, в Москву, посещение выставок и всяких шумных премьер, хождения в гости... А тут сиди в своей лаборатории, к тому же бесплатно. Ольга Петровна так обиделась, что сама поверила в то, что работает бесплатно, забыв не только о зарплате и премиях, но и о множестве побочных доходов: от срочных левых анализов до прилипавшей к рукам части канцелярских денег. Каждый дополнительный доход был не очень и велик, но общая сумма была ощутимой (так множество маленьких ручейков, сливаясь, образуют полноводную реку), сильно радуя.

Результатом стало рационализаторское предложение, столь часто встречающееся в лабораториях медицинских учреждений. Было просто удивительно, как это Ольга Петровна не додумалась до него раньше! Примерно половину своих анализов она не делала, как положено, а писала от балды, все, что взбредет в голову. Ничего, в сущности, страшного: в конце концов, если какой-то анализ вызовет подозрение у лечащего врача, его всегда можно переделать. Но Ольга Петровна увлеклась и распространила свой опыт и на коммерческие анализы, питая к ним определенную неприязнь. Подобное было опрометчивым, неправильным, непродуманным решением и привело к неприятным последствиям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.